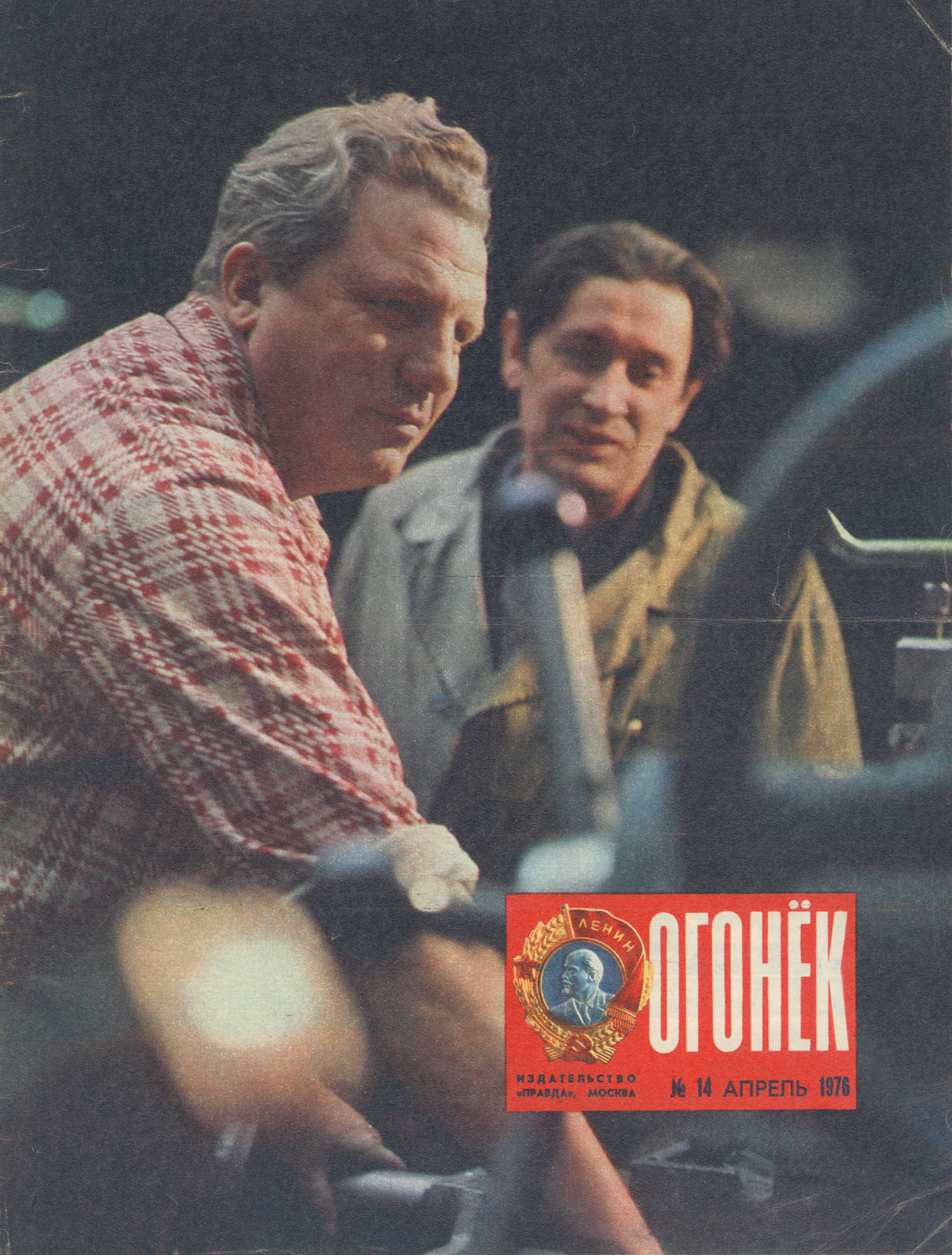

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 14 АПРЕЛЬ 1976

Торжественный момент.

Фото В. Смотрова.

Первый ковш грунта при закладке нового города вынул победитель предсъездовского соревнования экскаваторщик Е. И. Ярошенко.

Лучший шофер 1-й автобазы В. Ф. Пичко.

Начальник комбината «Электрометаллургстрой» А. А. Бабенко.

адреса великих свершений

НОВЬ

Новый Старый Оскол.

СТАРОГО ОСКОЛА

Геометрия стройки.

Галина КУЛИКОВСКАЯ, фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька».

Работает XI съезд Болгарской коммунистической партии.
Телефото В. Егорова (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (2543)

3 АПРЕЛЯ 1976

К НОВЫМ ВЫСОТАМ

В праздничном наряде улицы и площади Софии. 29 марта в столичном зале «Универсиада» открылся XI съезд Болгарской коммунистической партии. Это — важное событие в жизни не только народной Болгарии, но и всего мирового коммунистического и рабочего движения. В работе съезда принимают участие делегации марксистско-ленинских партий братских социалистических стран, в том числе делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро

Старый Оскол... Он и невелик и немолод. Однако именно здесь суждено вырасти предприятию с самой прогрессивной технологией. В Старом Осколе будет построен электрометаллургический комбинат — ОЭМК, первенец отечественной бездоменной металлургии.

Бездоменная металлургия. Получение железа из руды методом прямого восстановления без сложнейших и громоздких, с тяжелыми условиями труда, коксохимических и доменных производств. Не о ней ли мечтали ученые разных поколений и многих стран? С юношеских лет увлечен был этой идеей и главный инженер Оскольского электрометаллургического комбината Валентин Семенович Кудрявцев. Бездоменная металлургия была темой его дипломного проекта в институте, темой кандидатской диссертации, выполненной под руководством выдающегося советского сталеплавильщика академика А. М. Самарина, наконец, стала темой его докторской диссертации. Специалистов в этой области немного в стране — всего три доктора наук. Кудрявцев работал на металлургических заводах Новокузнецка, Тулы и Красноярска, последнее время заместителем директора по научной части «Сибэлектростали». Но никогда не был он так близок к осуществлению цели своей жизни, как сейчас здесь, в Старом Осколе.

— Наш комбинат,— рассказывал Кудрявцев,— будет комплексом заводов. У нас будут не конверторы и, конечно же, не мартены. Только электропечи! Загружаться окатышами они смогут непрерывно. Кстати, печи будут оснащены самыми совершенными пылеулавливающими средствами, и городу не грозит опасность засорения воздуха. Наиболее тяжелый труд в сталеплавильном цехе будет предельно механизирован и автоматизирован.

Я спросила Валентина Семеновича, почему комбинат решили строить именно в Старом Осколе.

— Определяющий фактор — сырье,— подчеркнул главный инженер.— Оно под боком, всего в тридцати километрах Лебединский горно-обогатительный комбинат. Там производят из кварцитов, запасы которых колоссальны — их хватит на века,— лучший в стране концентрат. В нем будет свыше семидесяти процентов железа. Поблизости и источники электрической энергии — Курская и Нововоронежская атомные станции, Днепровское энергетическое кольцо. Кроме того, стоит Старый Оскол на пути природного газа, а мы его станем потреблять очень много. Газ придет с Кавказа и из Оренбурга. Таким образом, налицо все, что необходимо для создания крупного промышленного комплекса.

Когда комбинат достигнет проектной мощности, он станет ежегодно поставлять машиностроительным заводам 2,7 миллиона тонн толстого листа, круга, шестигранника и других видов проката самого высокого класса. Таким образом, на наших глазах рождается гигант, который способен, как и предсказывал Владимир Ильич Ленин, имея в виду потенциальные ресурсы КМА, «перевернуть все дело металлургии». Проект ОЭМК разрабатывают десятки советских институтов с участием крупных западногерманских фирм. Возглавляет всю работу Гипромез.

* * *

Оскольский металлургический комбинат — пусковая стройка десятой пятилетки, о нем говорилось и на историческом XXV съезде КПСС. Создано специальное Главное управление по руководству строительством ОЭМК в Министерстве строительства предприятий тяжелой индустрии, ведущем эту стройку. На многочисленных заводах выполняются заказы для ОЭМК...

...Старая часть города пока не-

ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС тов. Ф. Д. Кулаковым, представители многих коммунистических, рабочих, национально-демократических и социалистических партий и движений из десятков государств.

Среди 1 565 делегатов, представляющих почти 800-тысячную армию коммунистов Болгарии,— металлурги и машиностроители, горняки и хлеборобы, строители и виноградари, ученые и деятели искусства.

В повестке дня съезда — отчет Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии за период между X и XI съездами и очередные задачи; отчет Центральной контрольно-ревизионной комиссии БКП; утверждение основных направлений общественно-экономического развития Народной Республики Болгарии на период 1976—1980 годов; выборы центральных органов партии.

С Отчетным докладом ЦК БКП выступил Первый секретарь ЦК БКП товарищ Тодор Живков. Он подчеркнул, что Болгарская коммунистическая партия с новой силой подтвердила свою верность марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму, свою способность творчески применять и развивать ленинские принципы строительства социалистического общества. «Мы вновь подтверждаем свое убеждение в том,— заявил товарищ Живков,— что дальнейшее развитие социалистического общества в отдельных социалистических странах ведет, как предвидел Ленин, к созданию единого сообщества социалистических наций. Мы во весь голос заявляем, что строим и впредь будем строить наши всесторонние взаимоотношения с КПСС и СССР, с партиями и народами социалистических стран, руководствуясь и вдохновляясь этой великой исторической перспективой».

29 марта на вечернем заседании съезда выступил тепло встреченный делегатами и гостями член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Ф. Д. Кулаков, который вручил президиуму съезда приветствие Центрального Комитета КПСС XI съезду БКП. «Советские люди,— говорится в приветствии,— дорожат отношениями дружбы и братства между нашими народами, единством взглядов, взаимопониманием, доверием, существующими между Коммунистической партией Советского Союза и Болгарской коммунистической партией».

В атмосфере нерушимого единства партии и народа высший форум болгарских коммунистов продолжает свою работу.

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Мы привыкли ко многому. Грандиозные стройки Сибири, трудовые подвиги сталеваров и нефтяников, строителей и хлопкоробов, невиданный размах жилищного строительства, новые электростанции, атомные ледоколы, преображенные земли — все это наши будни. Мы порой принимаем как должное газетные сообщения о штурме космоса, о дерзновенных замыслах ученых, о самоотверженном труде земледельцев, потому что знаем: иначе в нашей стране быть не может.

Но нельзя забывать главного: за всеми свершениями последних десятилетий века стоят наши современники, воля и труд которых превратили нашу страну в мощное социалистическое государство. «...Называя наше время временем великих свершений,— говорил с трибуны XXV съезда КПСС Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Леонид Ильич Брежнев,— мы отдаем должное тем, кто сделал его таким,— мы отдаем должное людям труда».

Рассказать об этих людях — наших современниках, создать словно бы собирательный портрет нашей эпохи и ее героев — такую задачу поставили перед собой авторы документального телефильма «Время великих свершений», посвященного историческому событию — XXV съезду КПСС. Сценаристы Г. Шергова, Д. Морозов, Е. Синицын, режиссер В. Осьминин создали не просто репортаж о форуме советских коммунистов. Средствами документальной кинопублицистики фильм рассказывает о значении съезда для строительства коммунистического общества в нашей стране, для развития международного коммунистического и рабочего движения.

В первых кадрах нового телефильма — кремлевские куранты. Они символизируют Время, ритм которого определяют наши современники — творцы настоящего и будущего. Это и молодой сталевар из Макеевки Виктор Никитенко, и прядильщица Хава Бакеева, прославленные строители Владислав Сериков и Николай Злобин, директор подмосковного совхоза «Вороново» Евгений Гончаров... Труженики разных профессий, они, как и все советские люди, объединены одним стремлением — сделать нашу Родину еще краше, богаче, с честью претворить в жизнь решения XXV съезда КПСС, положения и выводы, содержащиеся в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. И это удалось показать на телеэкране.

Образ времени заключен и в широкой исторической панораме, проходящей перед зрителями. Авторы напоминают о первых ленинских декретах, об успешном претворении в жизнь величественной Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, о неутомимой деятельности на благо всеобщего мира ленинского Центрального Комитета нашей партии и лично Леонида Ильича Брежнева. Кадры телефильма убедительно свидетельствуют о том, что положения доклада товарища Л. И. Брежнева, новые мирные инициативы получили самый широкий отклик во всем мире. Включенные в фильм фрагменты кинохроники, интервью с видными зарубежными политическими и общественными деятелями подтверждают непреложную истину: XXV съезд КПСС стал центром политической жизни всей планеты.

А. КИРИЛЛОВ

изменна. Улицы с приземистыми прочными домами в голубых ставенках по-прежнему узки, извилисты, но за обмелевшим Оскольцем уже встали белокаменной флотилией на вечном рейде светлые высокие здания — новые микрорайоны. На юной широкой улице — ей всего два года — возле пятиэтажного дома нетерпеливо газуют «Волги» и «Москвичи», автобусы и «уазики». В кабинете начальника «Электрометаллургстроя» Александра Александровича Бабенко многолюдно, звонят телефоны.

Бабенко положил трубку и обратился к Владимиру Клейменову, секретарю горкома комсомола:

— Какие вопросы у комсомолии?

— Бюро ЦК ВЛКСМ приняло решение объявить строительство ОЭМК всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Мы вызываем строителей КамАЗа на соревнование. Создается комсомольский штаб, нужна ваша помощь, Александр Александрович. Нет помещения...

— Возьмите вагончик на агитцентре. Как раз штаб и будет в гуще событий.

Бабенко, как и Кудрявцев, тоже приехал сюда из Сибири. Строил Ачинский глиноземный комбинат, потом был первым заместителем начальника «Главкрасноярскстроя», объекты которого разбросаны не только по Красноярью, но и в Якутии, Туве. Когда встал вопрос об Осколе — сначала не соглашался, но соблазнила-таки необычная по всем параметрам стройка — такая выпадает в жизни не каждому!

— Начинать всегда тяжело,— говорит Бабенко,— а на голом месте — тяжело вдвойне. Не за что зацепиться. Строительной индустрии никакой, сами ее создаем. Построили и уже пустили первую очередь крупного домостроительного комбината. А пока все нам везут: блоки, металлоконструкции, сантехнику, двери, рамы... Из Кривого Рога, Донецка, Северодонецка, Ростова, Воронежа, Харькова, Липецка, даже из Москвы.— Бабенко потрогал образцы цветного кирпича.— Вот эти кирпичи я увидел в Белгороде. Ими можно облицовывать дома. Красиво будет... Ежедневно прибывают сотни вагонов с грузами. А железнодорожной станции нет—вроде бы стоим на дороге, но перерабатывать грузы негде. Нужно срочно станцию строить. Ох, сколько всего нужно!

— А люди? — спрашиваю я.

— Людей вначале была горсточка,— вступает в разговор секретарь парткома Александр Васильевич Строганов.—Мы все умещались в одной обыкновенной квартире. Я тогда занимался кадрами. В первые же дни стали приходить десятки людей. И местные и приезжие. Одним из первых приехал к нам в свой отпуск — на разведку—Михаил Павлович Корнилович, коммунист, в прошлом плотник-бетонщик. Помню, я его и оформлял. Теперь он у нас возглавляет одну из лучших бригад. Строит объект наиважнейший — бетонно-растворный завод. И председательствует в недавно созданном совете бригадиров стройки. У нас много замечательных людей. Советую познакомиться с Ярошенко, последователем знаменитого Спирюхова.

Сейчас в коллективе свыше пяти тысяч человек. Для такой стройки очень мало. Но дело не только в тысячах. Они-то будут! Уже теперь мы принимаем в месяц по нескольку сот человек. Мы поставили перед собой суворовскую задачу: не числом, а умением. И не очень форсируем прием, потому что пытаемся предотвратить ошибки других строек, где людей размещали за десятки километров, в окрестных селах, и стремимся подготовить жилье. Летом ждем первый комсомольский отряд.

— Какие профессии нужны больше всего?

— Экскаваторщики, машинисты башенных кранов, отделочницы,— перечислял Бабенко,— очень ощутима нехватка инженерно-технических работников. Нам ведь требуются не просто специалисты по строительству, а знающие, что такое черная металлургия. А раз прибывает народ, то его надо куда-то селить. Мы уже построили пятнадцать больших жилых домов, сотни семей получили отдельные квартиры. На нынешний год мы взяли обязательство сдать жилья в два раза больше. В новом городе 20 февраля состоялась торжественная закладка фундамента под первое здание. Оно будет стоять на улице имени XXV съезда КПСС. Главная задача сейчас обеспечить тылы — со-

См. стр. 7.

КОМУ ЭТО НА РУКУ

Владимир НИКОЛАЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Весной 1970 года трое корреспондентов «Огонька», будучи в Египте, обратились к тогдашнему президенту страны Гамаль Абдель Насеру с просьбой дать интервью журналу. Согласие было получено, и мы прибыли в президентскую резиденцию в Каире точно к назначенному сроку. Но Насер задерживался. Через несколько минут он появился, явно чем-то взволнованный, и тут же сказал нам, что поступили сведения о перевороте в одной из африканских стран. В этой тревоге президента Египта видна была озабоченность делами не только своей страны. Насера всегда отличал глубокий и широкий подход к политике, он был признанным лидером арабского национально-освободительного движения, одним из самых выдающихся государственных деятелей того времени.

В своем интервью, которое было опубликовано в «Огоньке», Насер дал анализ сложившейся тогда обстановки и в частности сказал:

«Во время израильской агрессии 1967 года Советский Союз полностью поддержал нас. И сегодня Советский Союз с нами в нашей борьбе. Это один из самых главных факторов, говорящих о том, что мы ликвидируем последствия агрессии. Советский Союз оказывает нам политическую поддержку и экономическую помощь, поставляет вооружение, помогает специалистами в деле перестройки и перевооружения нашей армии.

Отношения между СССР и ОАР — образец отношений между великим государством и развивающейся страной. За все это народ ОАР питает к Советскому Союзу самые братские чувства дружбы и любви. Наша благодарность Советскому Союзу безгранична».

Президент вспомнил о том, что до египетской революции 1952 года никаких отношений, кроме дипломатических, между Египтом и СССР практически не было. Именно после этой революции и завязались дружеские связи между обеими странами. С самого начала этих отношений, подчеркнул Насер, Советский Союз проявил себя верным другом, доказав это не раз на деле в трудные для Египта моменты истории. Насер также отметил огромный вклад Советского Союза в индустриализацию Египта. «Без всего этого, — сказал он, — наши планы промышленного развития не смогли бы осуществиться».

Нынешний антисоветский поворот в египетской политике наносит ущерб прежде всего самому Египту и справедливому делу арабских народов. Как известно, египетское руководство приняло одностороннее решение о прекращении действия Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и АРЕ. Эта акция была предпринята президентом Анваром Садатом и явилась новым проявлением недружественной в отношении СССР политики, которую он на деле проводил уже в течение длительного времени. Она означает отход от внутриполитического и внешнеполитического курса Насера и угрожает экономическим и социальным завоеваниям египетского народа. Недаром орган Организации освобождения Палестины еженедельник «Фалестын ас-Саура» пишет, что решение Садата является «последним шагом на пути ликвидации завоеваний египетской революции 1952 года».

Вот что еще пишет по этому поводу арабская пресса:

«Принятое египетским руководством решение прямо противоречит учению вождя египетской революции Г. А. Насера, справедливо придававшего огромное значение развитию отношений с Советским Союзом» («Аль-Фаджр аль-Джадид», Триполи). «Решение о прекращении действия Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом является доказательством полного отхода Египта от социалистических принципов, от антиимпериалистической борьбы, а также свидетельствует о предательстве дела борьбы арабских народов, в том числе арабского народа Палестины» («Ан-Нида», Бейрут). «Решение о прекращении действия Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и АРЕ явилось только юридическим оформлением переориентации Египта на Запад и поворота к США» («Опиньон», Рабат).

Арабская печать отмечает, что такая политика Садата служит интересам американского империализма и израильских агрессоров. Это настолько очевидно, что даже буржуазная пресса Запада не пытается скрыть или хотя бы как-то затушевать суть политики Садата. Так «Трибюн» (Лондон) констатирует: «По крайней мере в течение года в египетском политическом курсе явно чувствовалась проамериканская тенденция... Разорвав свой договор дружбы с Советским Союзом, заключенный пять лет назад, президент Садат, по-видимому, отказался от единственного настоящего козыря в своих взаимоотношениях с Израилем, не получив ничего взамен».

Итак, ясно, что изменение египетской политики на руку империалистическим кругам США и израильским агрессорам. Ясно также, что в сложившейся обстановке значительно усложнилось политическое решение конфликта на Ближнем Востоке. Справедливое дело арабов, включая, разумеется, арабский народ Палестины, только страдает от антисоветского курса египетского руководства.

1

3

СОБЫТИЕ

В интервью корреспонденту «Огонька» гость XXV съезда КПСС Генеральный секретарь Африканского национального конгресса Южной Африки товарищ АЛЬФРЕД НЗО поделился своими впечатлениями о работе съезда, рассказал о задачах национально-освободительного движения в Южной Африке.

●

— XXV съезд КПСС вызвал огромный резонанс во всем мире. В Отчетном докладе ЦК КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза товарищ Л. И. Брежнев, подведены итоги беспрецедентной деятельности КПСС и Советского правительства на пути к оздоровлению международного климата. Мы все единодушны в том, что Программа мира, этот исторический документ, принятый предыдущим форумом

1

Бюджетное управление Нью-Йорка объявило о дальнейшем сокращении городскими властями рабочих мест. Среди уволенных — преподаватели школ и колледжей, медсестры и санитары, сотни работников коммунального хозяйства. Эти ньюйоркцы вышли на улицы города, чтобы выразить протест против очередных увольнений.

2

Командование вооруженными силами Аргентины совершило государственный переворот. Власть взяла в свои руки военная хунта. В стране объявлено военное положение, запрещены собрания и митинги, населению приказано выполнять распоряжения хунты. Войска держат в Буэнос-Айресе под контролем все основные учреждения, а также штаб-квартиры крупных профсоюзов.

На снимке: у здания резиденции правительства.

3

«Требуем сократить налогообложение трудовых слоев населения!», «Остановить инфляцию и рост цен!» — под такими лозунгами проведен в Токио массовый митинг трудящихся в поддержку требований о сокращении налогов.

4

Многотысячная демонстрация трудящихся Народной Республики Мозамбик прошла в Мапуту. Ее участники выступили в поддержку решения правительства закрыть государственную границу с Родезией, железнодорожный путь, проходящий из Солсбери через территорию республики к океану, и конфисковать все имущество и активы Родезии в Мозамбике. Это решение правительства было принято в связи с вооруженными провокациями расистского режима Родезии против молодой республики.

5

Напряженная обстановка сохраняется в ливанской столице. В центральных районах Бейрута, а также в его пригородах продолжаются вооруженные столкновения.

Фото ТАСС

2

4

5

ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

советских коммунистов, имеет непреложное, исключительно важное значение для дела мира и прогресса.

Враги разрядки напряженности пытаются опорочить деятельность КПСС, утверждая, что-де положения, зафиксированные в Программе мира, идут вразрез с целями и задачами национально-освободительного движения, будто бы обезоруживают его. События последних лет убедительно разоблачают лживость подобных утверждений. Поражение американского империализма в военных авантюрах в Индокитае, консолидация всех антиимпериалистических сил в борьбе арабских народов против израильской агрессии, крушение португальской колониальной империи в Африке — все эти факты доказывают обратное: национально-освободительное движение растет и крепнет. И, конечно, знаменательные события произошли на европейском континенте. Народы таких стран, как Греция и Португалия, сбросили ненавистные фашистские режимы, а трудящиеся Испании полны решимости покончить с мрачным наследием Франко.

Но самое важное в том, что Программа мира получила на XXV съезде дальнейшее развитие. На съезде в докладе товарища Л. И. Брежнева было подчеркнуто искреннее стремление к созыву Всемирной конференции по разоружению, мирному сосуществованию государств с различным социальным строем.

Что касается национально-освободительных движений в различных точках нашей планеты, то Советский Союз вновь продемонстрировал свою твердую позицию, основанную на всесторонней поддержке борцов против колониализма и расизма, за свободу, независимость и социальный прогресс.

Данная в докладе оценка политической обстановки на африканском континенте представляет для нас прежде всего практическую ценность. Говоря о расистском режиме ЮАР, необходимо отметить, что он вынужден был перейти к особой тактике взаимоотношений с другими африканскими странами. Лицемерно пытаясь демонстрировать независимым африканским государствам свое желание сотрудничать с ними, он был и остается агрессивным по своей сути. Об этом убедительно говорят события в Анголе.

Вот почему народы Африки искренне благодарны за поддержку, которую оказывают им все прогрессивные силы в мире, и особенно страны социалистического содружества. Свободолюбивые народы Африки не забудут действенную помощь Советского Союза, Кубы и других социалистических стран в борьбе против империалистической агрессии в Анголе. Такая помощь вновь свидетельствует о принципиальной и твердой позиции социалистических стран в деле борьбы народов континента против империализма и расизма. Я не сомневаюсь в том, что отношения между национально - освободительными движениями в Африке и странами социалистического содружества будут и впредь расширяться во имя дальнейшего подъема освободительной борьбы в Южной Африке.

Африканский национальный конгресс Южной Африки, коммунистическая партия, все прогрессивные силы страны выступают единым фронтом в борьбе с расистским белым меньшинством. Дальнейшее развитие освободительной борьбы, несомненно, будет означать усиление сплочения с коммунистической партией. Наш опыт показывает, что сплоченность в борьбе является одним из важнейших условий для достижения намеченной цели.

твой современник

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Олег ШМЕЛЕВ

Кресло № 23 в первом ряду огромного зала Кремлевского Дворца съездов в дни работы XXV съезда партии занимал делегат московских коммунистов Анатолий Яковлевич Рыбаков. У него был делегатский мандат за номером 0241. Анатолий Яковлевич никак не предполагал, что после съезда этот мандат попросит у него один из всесоюзных музеев. Когда же попросили, то он невольно подумал, что надо бы выставить его сначала в заводском музее, как собирались сделать. Тут, конечно, сработал в нем патриотизм старого краснопролетарца, но он сразу сообразил, что рассуждает неожиданно узко — может, впервые в жизни так. И ему даже неловко стало, когда он представил себе, как бы глянул на него, если бы был жив, отец, коммунист с 1918 года, кадровый рабочий-металлист. Откуда, мол, местничество такое?..

Но все же понять Анатолия Рыбакова можно. Все его сознательное существование связано с заводом, который официально именуется московским станкостроительным орденов Ленина, Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции заводом «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова. Да еще при том условии, не для всех знакомом, что так называемое сознательное существование начиналось у сверстников Анатолия Рыбакова с тринадцати-четырнадцати лет — из-за войны. И к тому же Анатолий Яковлевич обязан заводу всем главным в своей судьбе, и всегда о заводе первая его мысль.

В 1941 году, когда уже шла война и когда ему еще не сравнялось четырнадцати, Рыбаков поступил в ремесленное училище. Ученики теперешних ПТУ тоже делают на занятиях не бутафорские вещи, но в те времена ремесленники в классах за партами почти совсем не занимались, что, разумеется, очень печально, да ничего не попишешь, необходимость заставляла. Так и остался Толя Рыбаков с шестью школьными классами, когда поступил на завод «Красный пролетарий», но зато он был довольно хорошим токарем.

В 1945 году его призвали в армию, и оторвался он от завода на целых семь лет. Однако Рыбаков своего родного цеха не забывал и токарного дела не оставил, потому что служить ему пришлось в батальоне аэродромного обслуживания, а еще точнее — в ремонтных мастерских.

Уволившись из армии в 1952 году и погуляв всего две недели, он пришел на «Красный пролетарий», его зачислили во второй механический цех, и с тех пор тут он и работает.

Рыбаков с малых лет научился серьезно относиться и к людям и к жизни и никогда не почитал себя достойнее других. Вероятно, именно поэтому все у него складывалось ясно и просто.

Может быть, он на своем токарно-универсальном станке точил детали чуть лучше других. Может быть, спокойствием, ровностью в обращении, добротой производил на товарищей по цеху впечатление особой основательности. Но сам он этого не замечал. Наоборот, он считал, что по сравнению со многими ему коечего не хватает: не давала покоя мысль, что образование у него всего шесть классов.

В 1961 году его приняли в партию, и тогда Рыбаков решил, что не имеет права оставаться недоучкой. В своем токарном деле он умел все, от станка уходить не собирался, но знал, что непременно наступит час, когда и токарю самой высокой квалификации станет недостаточно одного лишь искусства рук и чувства металла.

Он поступил в вечернюю школу, в четвертый класс. И ему, тридцатишестилетнему, не было зазорно оттого, что старшая из трех его дочерей решает с ним одинаковые задачки. Рыбаков учился, как работал: закончил восьмилетку, пошел в станкостроительный техникум и в 1971 году получил диплом.

Что он человек известный не только, как говорится, в заводском масштабе, Рыбаков ощутил, когда его наградили орденом Ленина. Потом он был избран депутатом Моссовета. И с той поры стал особенно строг к себе. Поверьте, это не пустые слова.

Он работал все лучше. И бригада у него подобралась надежная: Лазука Михаил Михайлович, Волков Николай Васильевич, Заволокин Геннадий Алексеевич, Картузов Семен Прокопьевич, Сидячкин Сергей Яковлевич. Лазука и Заволокин — коммунисты. Остальные беспартийные.

Разумеется, Анатолий Яковлевич производственные задания всегда перекрывал. Девятую пятилетку выполнил за четыре года и уже в октябре 1974-го довел свою выработку до уровня, запланированного на 1975 год.

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Он писал просто, пышность речи была чужда ему, но эта простота оставляла глубокий след в душе читателя — она была прозрачна, ясна и чиста. Произведения его восхищали честностью, правдивостью, гражданственностью.

Сергей Сергеевич Смирнов написал немало. После войны одна за другой вышли его книги «На полях Венгрии» и «Сталинград на Днепре», затем появились «Рассказы о неизвестных героях», пьесы, сценарии. И над всеми этими произведениями, как обелиск, возвысилась книга «Брестская крепость», удостоенная Ленинской премии. Ставшее известным всему миру повествование рассказало о бессмертном гарнизоне старой приграничной крепости, о героях, которые не оставили себе пути назад — неизбежность гибели не устрашила их.

И, если бы писатель не написал ни одной строчки, кроме «Брестской крепости», все равно его имя навсегда вошло бы в сознание народа.

Сердце Сергея Сергеевича Смирнова билось в унисон с кипящей жизнью эпохи. Он был солдат, фронтовик, коммунист и с присущим ему энтузиазмом брался за все, что поручалось ему партией. Он был депутатом Верховного Совета РСФСР, и люди с оправданной надеждой на участие и помощь несли к нему свои просьбы. Он был умным редактором, его любили и высоко ценили писатели, тысячи пи-

Из этого, собственно, и родилось начинание, которое сам Рыбаков называет повышением мощности рабочего места. Бригада поддержала, начальник цеха Александр Иванович Аполченов и его заместитель Виктор Яковлевич Крылов тоже. И советом помогли.

В чем суть начинания? Объяснение требует прибегнуть к специфическому заводскому языку, но без этого не обойдешься.

Рыбаков искал резервы производительности труда, но предпочел идти не по линии его интенсификации, а решил взять максимум возможностей от станка профессиональным умением. Из чего это сложилось?

Во-первых, совмещение операций и рациональное изменение их очередности. Этим он повысил производительность на 3,5 процента.

Во-вторых, увеличение скорости резания за счет улучшения геометрии режущего инструмента и применения новых резцов. Это дало 4 процента.

В-третьих, в-четвертых и так далее: заблаговременная подготовка инструмента, удобное расположение заготовок, самостоятельное устранение мелких неисправностей—чтобы не тратить время, не ждать наладчика или мастера — и еще много пунктов.

Результат: в прошедшем году Рыбаков рассчитывал повысить производительность своего труда на 14 процентов, а вышло больше.

Все эти цифры и соображения для непосвященных представляются сухими. Для Рыбакова и его товарищей по профессии в этом живой интерес и сокровенная суть. А двигало Рыбаковым одно желание — чтоб токарь самой средней квалификации мог добиваться таких же высоких результатов, как он. Термина «эффективность» он в самом начале не произносил, термин этот появился после.

Анатолий Яковлевич искренне хотел, чтобы его опыт перенял все токари, ну, если не во всем Советском Союзе, то по крайней мере в Москве. Потому и выступил в «Московской правде», в «Труде». И почин подхватили.

Он не думал о славе, не мог предполагать, что ему присвоят звание Героя Социалистического Труда, изберут делегатом на XXV съезд КПСС, а на съезде выберут в члены Центрального Комитета. Но все это произошло.

...В выходной день, в субботу, я хотел встретиться с Анатолием Яковлевичем у него дома, но не удалось: его вызвали на завод — надо было что-то срочно сработать на его станке, который, между прочим, служит ему исправно уже пятнадцать лет. Без Рыбакова тогда никак было не обойтись. Он уехал в семь утра и вернулся лишь в три часа.

Мы повидались в другой день. Анатолий Яковлевич рассказывал о заводских делах, о недавно закончившемся съезде, о решениях, принятых на нем,— больше о тех, что касаются промышленности. И я испытывал удивительное ощущение, что Рыбаков перечувствовал, пережил все это уже давно, гораздо раньше. Однако чего же удивительного? Обычное дело...

Токарь Рыбаков и тысячи, миллионы ему подобных думают, как взять от станка максимум того, что он может дать. Потом почин охватывает всю страну: «Производительность труда на каждом рабочем месте — на уровень заданий следующего года!» Кто был застрельщиком — коммунист или беспартийный,— это в конце концов неважно. Важно, что это полезно для страны и для народа. Партия это слышит и знает. И указывает главные направления, ставит высшие цели, которые становятся законом для каждого. В этом заключается взаимопроникновение народных дел и государственных планов. Казалось бы, обычное дело? Нет, не обычное...

сем шли к нему от многочисленных читателей и слушателей. С нетерпением ждали его телепередач «Подвиг», в которых он был и автором и ведущим.

Когда Сергея Сергеевича Смирнова избрали руководителем Московской писательской организации, он сразу же показал себя широким и отзывчивым человеком, готовым всегда прийти на помощь товарищу.

В майские дни празднования Дня Победы мы, ветераны Северо-Западного фронта, собрались в Доме журналиста, приехал и Сергей Сергеевич Смирнов.

Он был жизнерадостен, остроумен, дружелюбен, никому в голову не приходила мысль, что смерть уже подкрадывается к нему.

Сергея Сергеевича избрали делегатом XXV съезда партии. Когда ему принесли удостоверение об избрании, он был уже тяжко болен. Его друзья рассказывали, что, взяв в руки удостоверение, он произнес поразившую всех фразу: «На съезде буду. Умру, но буду». Это был его последний выход в ту кипучую жизнь, которую он так любил.

Горячее сердце Сергея Сергеевича Смирнова умолкло навсегда, но добрая память о нем — писателе и гражданине — никогда не погаснет у всех, кто знал его и его прекрасные книги.

Ник. КРУЖКОВ

НОВЬ СТАРОГО ОСКОЛА

См. стр. 1—3.

здать базу стройиндустрии. В семьдесят восьмом мы уже должны начать производство окатышей. Время, как видите, спрессовано до предела.

— А что сейчас представляет собой площадка будущего комбината?

— Пока это поля, снега и снега от края до края. Там, как говорят, еще и конь не валялся. Работы начнутся, когда поступит проект и техническая документация.

* * *

Котел. Так вот прозаически называются речка, приток Оскола, и железнодорожная станция. Она в двадцати километрах от города, а недалеко от нее промбаза. Туда мы и едем с А. В. Строгановым. По пути я осваиваю географию стройки. Остались позади новые микрорайоны горняков и металлургов, проплывают дубовые и тополиные рощи, прозрачные рядочки лесополос. За деревней Незнамово начинаются потревоженные техникой поля. В одном месте строится путепровод, в другом—автострада сорокаметровой ширины, на бетонном основании. Из города на электрометаллургический комбинат пойдет скоростной трамвай. Поворот — и громадный стенд вдоль шоссе, метровые буквы: «Всесоюзная ударная комсомольская стройка». И сразу на огромной территории прозрачные частоколы колонн и каркасов, журавлиные шеи подъемных кранов. Тут будет автокомбинат, погрузо-разгрузочная эстакада, база материально-технического снабжения, база «Минмонтажспецстроя».

Но это все, так сказать, плацдарм промышленный. А житейский, бытовой? Есть и такой. На агитцентре, с выдумкой и любовью оформленном, есть пункт связи, где можно почитать газеты, отправить телеграмму или бандероль. В отдельных вагончиках — сапожная мастерская, парикмахерская, магазин промтоваров по заказам.

— Такого даже на КамАЗе не было,— с гордостью заявляет Вячеслав Чубуков, заведующий агитцентром.

— Откуда вы знаете?

— Я сам оттуда, в Осколе немало нас, камазовцев. Строителя ведь всегда тянет на новое место, туда, где только разворачивается большое дело...

Такое большое дело привело в Старый Оскол и кубанского казака Евгения Иосифовича Ярошенко, с которым мне советовал познакомиться секретарь парткома. Я встретила его на площадке нового города. Это он завоевал в соревновании право вынуть здесь первый ковш грунта из котлована под фундамент первого дома-башни. А в день открытия XXV съезда КПСС экскаватор Ярошенко разработал тысячу кубических метров грунта — намного больше нормы.

Экипаж экскаватора полностью «кубанский», а помощник Ярошенко, Павел Жваченко, успел поработать уже и в Набережных Челнах. Недавно бригада перешла на хозрасчетный подряд и намерена по примеру Спирюхова объединиться в один коллектив с водителями самосвалов.

Что же касается Героя Социалистического Труда К. С. Спирюхова, то он человек действительно знаменитый. И не только на Белгородщине. Его бригада за четыре года и десять месяцев выполнила два пятилетних задания. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев тепло поздравил механизаторов с таким выдающимся достижением и выразил уверенность, что опыт их работы найдет распространение по всей стране.

Зимой в Губкинском специализированном управлении механизированных земляных работ № 1, за коим закреплен Спирюхов, проведена была всесоюзная школа механизаторов. Участники школы побывали в прославленной бригаде, участвующей теперь в строительстве ОЭМК. Гостей интересовало все: организация труда, уровень инженерной подготовки, техническое обеспечение. Ведь в комплексе Спирюхова четыре экскаватора, двадцать «КРАЗов». Недавно исполнился год, как он перешел на подряд.

Зеленый экскаватор Спирюхова стоит на гребне карьера первым, как правофланговый.

— Ба-бах! — будто о кирпич грохает по мерзлому грунту чугунный клин и тут же отваливается набок.

— Вот злодейка!—сердито ворчит на задержавшуюся зиму Спирюхов.— В Москве — плюс два, тут — минус двадцать! А мы вроде поюжнее столицы.— И снова энергично работает рычагами.

Да, лениво, поздно идет нынче весна на Верхнее Поосколье. В полдень на солнцегреве бегут ручьи, падают со звоном ледяные наросты с крыш, а по вечерам берет свое зима: заскрипит по-декабрьски снег под ногами, прочертит мороз узоры на стеклах. А строителю не терпится: ему нужно, чтоб весна была ранней и дружной, чтоб не приходилось долбить скованную землю, чтоб не застывал раствор...

У въезда в Новый город можно видеть такую таблицу: 1976 год — 5 тысяч человек, 1980 год — 200 тысяч человек, 1985 год — 400 тысяч человек. Полумиллионным должен стать город новой Магнитки — Старый Оскол!

Вышел 1000-й номер общественно-политического, литературно - художественного иллюстрированного еженедельника «Украина». Он знакомит читателей с очерком И. Катеринича «Лаборатория урожаев», выступлениями делегатов XXV съезда КПСС и XXV съезда КПУ, со статьей С. Кириловой «Наш вклад в дело мира», творчеством художника В. Костецкого, поэзией С. Вургуна, воспоминаниями первого редактора еженедельника Д. Прикордонного «С первых номеров — в бою».

Журнал, рожденный в мае 1941 года, с первых же номеров стал яркой летописью ратных и трудовых подвигов народа. В очерках, репортажах, статьях, в репродукциях и фотографиях мы узнаем нашего современника — труженика, солдата, коммуниста. Это ему были посвящены произведения П. Тычины и М. Рыльского, В. Сосюры и А. Довженко, А. Малышко и О. Гончара, впервые опубликованные на страницах журнала.

Вместе с писателями и журналистами сотни тысяч украинских читателей побывали на крупнейших стройках страны: заполярном газопроводе и Байкало-Амурской магистрали, Красноярской и Нурекской гидроэлектростанциях, ВАЗе и КамАЗе.

Большое внимание редакция уделяет рассказу о жизни братских советских республик, целые номера были посвящены странам социализма — Польше, Болгарии, ГДР, Венгрии, ДРВ, Монголии.

БОЛЬШОМУ ТЕАТРУ СОЮЗА ССР — 200 ЛЕТ

28 марта в Большом театре СССР состоялось торжественное собрание труппы, посвященное его двухсотлетию. Новую юбилейную экспозицию театрального музея открыла Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР Галина Сергеевна Уланова. На стендах — живая история великой сцены, отраженная в фотографиях, афишах, театральных костюмах, эскизах декораций, картинах известных художников.

Фото А. Конькова (ТАСС)

«ДОСТИГАЕВ И ДРУГИЕ»

Л. Юдина в роли Елизаветы и Б. Бабочкин — Достигаев.

Кажется, еще недавно народный артист СССР Борис Андреевич Бабочкин рассказывал читателям нашего журнала о новой постановке «Грозы» А. Островского, делился творческими планами. А замыслов у него было много — интересных, дерзких. Борис Андреевич спешил работать, ибо единственной формой собственного бытия считал творчество — актерское, режиссерское, педагогическое. В каждом из них он был выдающимся мастером.

И вот неожиданная радость новой встречи с Бабочкиным в телевизионном фильме-спектакле «Достигаев и другие» по горьковской пьесе.

Его режиссерское решение, точно выверенное на сцене Малого театра, полностью соответствует новаторскому смыслу драматургического произведения М. Горького. Но создание фильма по спектаклю, поставленному Бабочкиным, имело еще и другие задачи, и прежде всего задачу максимального приближения пьесы к зрителю. На экране сценическое действие словно укрупнено; оно действительно дает нам всем возможность нового, более глубокого проникновения в каждый образ.

Достигаев в исполнении Бабочкина — открытие характера, великолепное по своей исторической и психологической правде... Это человек, едва ли не единственный среди «других», видящий грандиозность и необратимость событий. И умом и инстинктивным ощущением опасности он понимает силу большевиков. «Я... уживчивый. А вы меня хотите бесповоротно уничтожить»,— говорит он Рябинину. Да. Уничтожить! Потому что Достигаев — противник непримиримый. Его ум, способность к социальной мимикрии опаснее бешеной ненависти Нестрашного — С. Маркушева, кликушества Мелании — Е. Гоголевой, трусливой подлости Звонцова — М. Садовского, словоблудия отца Павлина — Н. Анненкова.

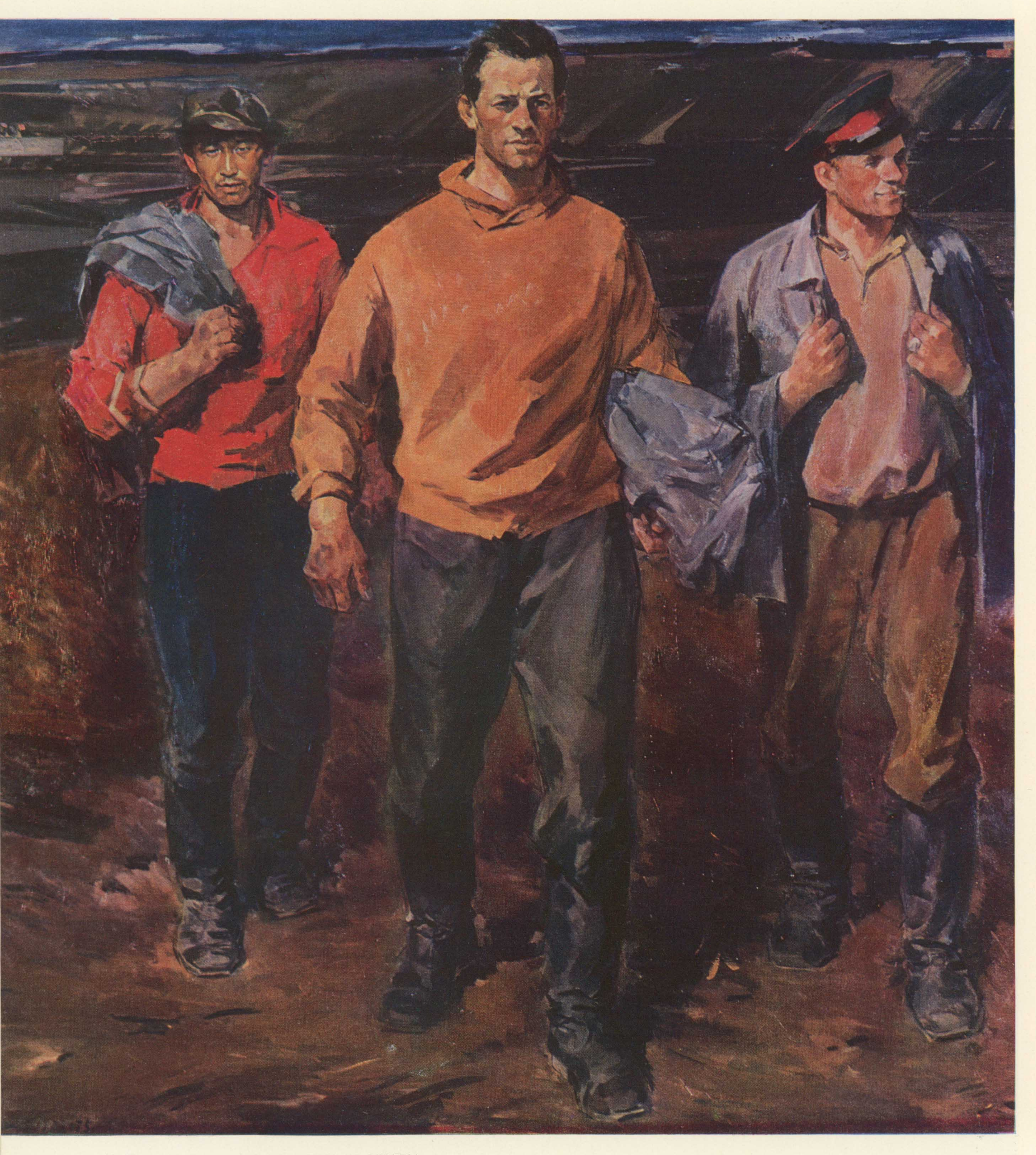
На фоне этого смердящего, взбесившегося мира особую жизненную силу и человечность обретают образы людей новой России: большевик Рябинин — Ю. Каюров, правдоискатель Донат — Е. Буренков, бородатый солдат — И. Любезнов...

Б. А. Бабочкина связывало с телевидением крепкое творческое содружество. Телепостановки пьес А. Н. Островского и М. Горького, инсценировки «Скучной истории» А. Чехова и «Плотницких рассказов» В. Белова, чтение «Маленьких трагедий» А. Пушкина и глав из романа Д. Фурманова «Чапаев»... И, наконец, спектакль «Достигаев и другие» — одна из последних работ Бориса Андреевича, давшая высокую радость миллионам зрителей.

В. ВАРЖАПЕТЯН

И. Заринь. Род. 1929. ПОСАДИМ САДЫ.

Н. Дрючин. Род. 1918. ТРУЖЕНИКИ ЗЕМЛИ.

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ — В ЦЕХ

ЧЕЛЯБИНСК

ЛУЧШЕ, ДЕШЕВЛЕ, БЫСТРЕЕ

Как-то на Челябинском заводе дорожных машин имени Колющенко побывала делегация японских специалистов. Когда гости проходили по механическому цеху, их внимание привлек станок, на котором обрабатывались штоки для гидроцилиндров.

— Это шлифовальный станок? — спросил один из гостей.

— Нет, токарный,— ответили ему.

— Но как же с токарного станка выходят валы с такой зеркальной поверхностью? Какой вы получаете класс чистоты?

— Десятый.

— Десятый? Но как? Каким волшебным способом? — изумились гости. Ведь на токарном станке в самом деле никогда еще не удавалось получить такой чистоты обработки.

И тогда гостям объяснили, что это новый, только что внедренный на заводе метод. В его основу положено изобретение, сделанное в лабораториях Дружковского машиностроительного завода имени 50-летия Советской Украины.

Если раньше вал проходил обработку на двух различных станках: сначала токарную обточку, а потом шлифовку, и при этом с трудом удавалось достичь восьмого класса чистоты,— то теперь обе операции совмещены, а обязанности шлифовщика взяли на себя ролики, зажатые в обойму.

С огромной силой сжимая вал, они обкатывают его поверхность до зеркального блеска. Деформация вала при этом исключена, а срок его службы возрастает, так как при обкатке поверхность вала упрочняется. Особенно поразило японских гостей то, что новый способ позволяет сократить время обработки почти в 10 раз!

Новый метод, внедренный на Челябинском заводе, имеет большие преимущества по сравнению с теми, что применяются сегодня. Трудоемкость чистовой обработки вала снижается в 5 раз, и при этом улучшается качество его поверхности, а главное — увеличивается надежность и долговечность такой ответственной части машин, как шток гидроцилиндра.

Кроме того, внедрение новшества позволило заводу производить окончательную обработку штоков без применения дорогостоящих круглошлифовальных станков.

Безусловно, благодаря огромному экономическому эффекту, очевидному выигрышу в качестве и производительности труда новый метод обработки валов заинтересует многие предприятия страны.

В. СЕРГЕЕВ

МОСКВА

СИТО ДЛЯ ВОДЫ

Потребление воды у нас в стране очень велико. Только в Москве оно составляет более 5 миллионов кубометров в сутки, на каждого человека приходится свыше 400 литров. Причём вода эта по мировым стандартам считается самой чистой.

Но чистая вода нужна не только людям, нужна она и промышленности. Теперь уже для каждого стало очевидным, что воду, поступающую с производства, нельзя сбрасывать обратно в водоемы без предварительной очистки.

Как это ни парадоксально, но сегодня воду в основном очищают тем же способом, что и сто лет назад,— пропуская ее через толстый слой песчаного фильтра.

На каждой водопроводной станции таких фильтров стоит великое множество — нередко несколько тысяч.

Внедрение разработанного специалистами промышленного объединения «Техэнергохимпром» под руководством инженера Д. Майзлика и М. Миропольского нового фильтра ВСФ-2000 позволит намного усовершенствовать и упростить систему водоочистки.

ВСФ-2000 — это самоочищающийся фильтр с производительностью 2000 кубометров воды в час. Когда специалистам ведущей западногерманской фирмы по водоочистке впервые назвали эту цифру, они не поверили и сказали: «Это, конечно, ошибка: наверное — 200, а 2000 быть не может!» И действительно, по сегодняшним представлениям такая производительность у фильтра 2-метрового диаметра кажется фантастической. Ведь она почти в 70 раз превышает производительность самых распространенных сегодня песчаных фильтров тех же габаритов.

Загрязненную воду под давлением до десяти атмосфер пропускают через тончайшую металлическую сетку. Фильтрующие сетки изготовляются из металлических нитей, сплетенных столь хитро, что между ними нельзя обнаружить ни малейшего просвета. Такое строение фильтра позволяет задерживать взвешенные в воде вещества размером даже 0,01 миллиметра. Более мелкие частицы можно укрупнить до нужного размера, добавив в воду безвредные химические соединения. То есть из выходного патрубка этого автоматического сита вытекает вода, которая после бактериологической обработки (от подобной операции не избавляют и песчаные фильтры) вполне пригодна для питья.

Главное отличие ВСФ от существующих фильтров, в том числе и от лучших зарубежных, состоит в том, что он снабжен специальным автоматическим устройством обратной промывки. Очень важно то, что такая промывка позволяет не останавливать процесс фильтрации.

С. ВЛАСОВ

театр

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ

Всего шесть действующих лиц в новом спектакле Малого театра «Золотые костры». А как много жизненных пластов — социальных и человеческих — встает за каждым из героев драмы Исидора Штока! Тут и годы первых пятилеток, трудные и романтические годы комсомольской юности первых строителей Магнитки... Тут и Великая Отечественная война... Тут и день нынешний с его величественным коммунистическим созиданием, трудовыми свершениями и нравственными исканиями наших современников.

И все эти этапы большого пути нашей страны воедино сплавлены революционной преемственностью, нерасторжимой связью советских поколений.

Мы жили в палатке
с зеленым оконцем,
Промытой дождями,
просушенной солнцем,
Да жгли у дверей
золотые костры
На рыжих каменьях
волшебной горы...

Прекрасные стихи Бориса Ручьева, положенные на музыку композитором М. Табачниковым, не просто музыкальный, но идейный лейтмотив спектакля; герои часто поют эту песню, в ней звучит прежний комсомольский пафос и порыв; немеркнущий свет золотых костров и сегодня озаряет жизнь, все дела и ветеранов великих строек и тех, кто пришел им на смену.

Пьеса И. Штока поставлена П. Васильевым, и надо сказать, что, работая над спектаклем, режиссер и актеры не сглаживают сложности и неоднозначности, драматической остроты в характерах и судьбах героев.

...В чем-то обоснованны, а в чем-то и спорны переживания сыгранного Е. Самойловым знатного сталевара Льва Сушкина: он явно преждевременно ушел на пенсию, этот по-своему мудрый и сердечный, но крутой нравом, упрямый человек. Он не сразу и не легко осознает свою неправоту и приходит к единственно возможному для него решению: вернуться на родной комбинат.

...Внезапно, в разгаре многочисленных производственных и государственных забот, обрывается жизнь директора комбината Ивана Саратова. В этой роли мы видим Д. Павлова. Его герой — бывший беспризорник, воспитанник Сушкина — прошел путь от подсобного рабочего на строительстве комбината до руководителя, ученого, общественного деятеля, известного всей стране.

...Внешне вроде бы не сложилась жизнь славной синеблузницы Милочки — Т. Еремеевой. Но по-молодому задорная, она отдает себя людям — в этом ее человеческое счастье и призвание.

...Культработник Василий Шкарников — Г. Сергеев, как и Сушкин,— почетный гражданин города. Не всегда и не во всем можно согласиться с его поступками, но и в нем жива и в конечном счете берет верх прежняя комсомольская закваска.

С судьбами ветеранов переплетаются судьбы — тоже непростые — молодой девушки Ники-Вероники — Л. Кичановой и приветливой, доброй женщины Руфины Витрищак — М. Седовой, несущей в себе страшную память о фашистском нашествии...

В пьесе и спектакле сама жизнь предстает, как она есть, но главное здесь — красота и богатство духовного облика наших современников. Их личные переживания и драмы, потери и обретения выведены на широкие просторы советской действительности. Ее дыхание, ее свет и тепло вливаются в распахнутые окна квартиры Сушкина, за которыми художник А. Васильев развернул чудесную панораму современного уральского рабочего города.

Н. ЛЕЙКИН

Сцена из спектакля. Фото И. Ефимова

Царство постоянного тока.

БЕЛЫЙ

«ПРОДОЛЖИТЬ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЕДИНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ ПУТЕМ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭНЕРГОСИСТЕМ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ С ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ, СООРУЖЕНИЯ МАГИСТРАЛЬНЫХ ЛИНИЙ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧИ НАПРЯЖЕНИЕМ 500, 750 И 1150 ТЫС. ВОЛЬТ».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»

За столом главного инженера лауреата Ленинской премии В. А. Вершкова решаются сложные технические проблемы.

Л. КОРОБОВА

Фото И. ГАВРИЛОВА

Белый Раст... Так называется село в Подмосковье, в общем-то самое обычное село. Необычное можно видеть в его окрестностях. На фоне ослепительно сверкающего снега встали гигантские арки-порталы и шпилеобразные опоры с грозозащитными тросами, опоясанные гирляндами изоляторов, повисли серебристые нити проводов. В другом месте — шеренги ребристых колонн-выпрямителей, рядом с которыми человек кажется совсем маленьким. А еще дальше фантастическая геометрия — разве только бы вологодским кружевницам могла она привидеться!

Так выглядит единственный в своем роде полигон, на котором испытываются сложнейшие установки и приборы, предназначенные для сверхдальних и сверхмощных ЛЭП — линий электропередачи. Такие передачи станут главными артериями Единой энергетической системы страны — ЕЭС. В условиях Советского Союза, где основные энергетические ресурсы расположены на востоке — Сибирь, Казахстан и Средняя Азия, а центры потребления сосредоточены главным образом в европейской части и на Урале,— магистральные ЛЭП крайне необходимы. Только они способны связать все энергосистемы, обеспечить централизованное управление ими и переброску потоков энергии.

Около двух десятилетий назад советская наука и техника успешно приступили к решению этой проблемы, направив поток энергии Куйбышевской и Волгоградской ГЭС в центр, по линиям электропередачи напряжением 420 и 500 киловольт. Еще, кажется, совсем недавно на напряжении 750 киловольт действовала только опытная линия электропередачи Конаковская ГРЭС — Москва. На финише девятой пятилетки, в декабре 1975 года, вступила в строй одна из самых дальних линий передач, работающих на таком напряжении; она соединила энерге-

РАСТ

тическую систему северо-запада страны с центральной — московской. Сейчас практически решается задача: как передать энергию, которую будут вырабатывать тепловые электростанции Экибастузского и Ачинского угольных бассейнов, где сырье практически лежит на поверхности. Как известно, на базе этих углей будут построены электростанции общей мощностью 50 миллионов киловатт. Потребуются линии необычайно высокого напряжения — 1150 киловольт.

В чем их преимущество!

Главный инженер Управления дальних передач Министерства энергетики и электрификации СССР, лауреат Ленинской премии В. А. Вершков ответил на этот вопрос так:

— Тут вступает в силу экономика. Построить одну передачу напряжением 1150 киловольт выгоднее, чем четыре ЛЭП-500. Кроме того, с повышением напряжения уменьшаются потери электроэнергии на самих линиях. А это очень важно. Уже сейчас по стране они составляют около пяти процентов — иначе говоря, почти три Братских ГЭС работают вхолостую, на воздух. В Белом Расте как раз и испытываются оборудование, системы защиты и иные устройства для ЛЭП на 1150 киловольт переменного тока и 1500 киловольт постоянного тока.

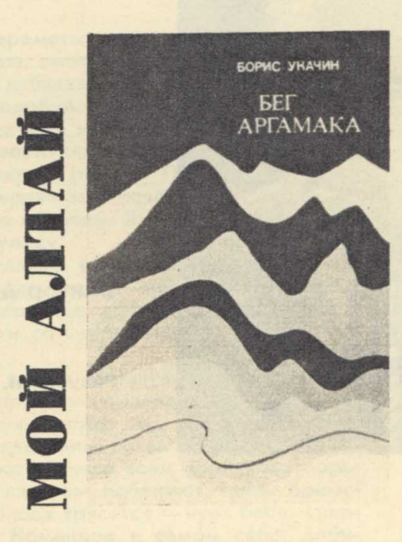
Научный центр в Белом Расте молод. Ему всего девять лет. Молоды и его специалисты: Олег Соколов, Сергей Соловьев, Владимир Копалин, Нина Чернова, Михаил Сварнык, Юрий Батяев, Людмила Соколова, Марина Мусина, Владимир Кутузов. Многие из них здесь с первых дней. Вместе с крупными специалистами в этой области они решают очень важные для государства задачи по созданию сверхдальних линий.

...Два года в Белом Расте идут испытания линий напряжением в 1150 киловольт переменного тока. Такая линия протянется от Итаки до Новокузнецка. Так решается одна из сложнейших проблем энергетики десятой пятилетки: передача электрических мощностей на сверхдальние расстояния.

Начальник испытательного стенда С. Н. Соловьев.

МОЙ АЛТАЙ

Ритм звонких подков легендарного коня алтайцев слышен в стихах Бориса Укачина. Его поэзия живет высоко в горах, в чистых, стремительных родниках, в стойбищах чабанов. Он пишет о том, как легкие облака спускаются в долины и бродят там, словно белоснежные овцы, как в тишине в светлые реки падают звезды, как достойно и толково живут в горах люди. Бережно хранит поэт материнский подарок — узорчатый треугольник из твердой кожи, по-алтайски — байры, в нем зашита маленькая доля всех богатств родного края. Здесь крупица меди, залежами которой он славен, можжевеловая иголка — частица великой тайги и зерно ячменя с просторных нив... Удивителен и загадочен Алтай в стихах Укачина.

Мой Алтай, прекрасный,
как сказанье!
Сколько тайн здесь ждет
еще сейчас
Взгляда изыскателя, касанья
Рук рабочих, твердых,
как алмаз!

Много у малого народа больших дел в мире. Не случайно стихотворение «Бег аргамака», давшее название всему сборнику, не просто песнь о коне. Аргамак — вестник победы революции, и он же уносил отца в решительный бой в сорок первом году. Именно этот конь — «сказка, песня, мечта» — символизирует для поэта Родину.

Лирический герой Укачина — «алтаец, человек древний», чувствующий в своем сердце «веков гулы», и в то же время это наш современник, ощущающий связь людей всей страны, живущий общими с ней заботами и радостями.

Человек, умеющий ценить и понимать красоту своей земли, обычно чуток и восприимчив к жизни и культуре другого народа. Б. Укачин тянется к вершинам русской поэзии. Отсюда у него несколько наивные, но всегда искренние цитации из стихотворений русских поэтов:

Чуть курятся синие отроги,
Птица на ветвях не засвистит,
И прямой, по-лермонтовски
строгий
«Сквозь туман кремнистый
путь блестит».

Таким же приемом пользуется Укачин в грустном стихотворении «Письмо Николаю Рубцову», где тяжелые переживания о смерти русского друга, воспоминания о Литературном институте создают атмосферу подлинного человеческого братства.

Важно уметь отделить добро от зла, надо научиться быть настоящим человеком — этими мотивами пронизаны многие стихи сборника. И начинать этот путь становления надо, считает поэт, с главного — с познания родной земли, со стремления быть неотделимой частью народа, маленькой веткой могучего кедра.

Н. ТУРЕНКО

Борис Укачин. Бег аргамака. Пер. с алтайского И. Фонякова. М., «Современник», 1975, 96 стр.

Виктор АСТАФЬЕВ

Рисунки И. УШАКОВА

ЦАРЬ-РЫБА

В поселке Чуш его звали вежливо и чуть заискивающе — Игнатьичем. Был он старшим братом Командора и, как к брату, так и ко всем остальным чушанцам относился с некоей долей снисходительности и превосходства, которого, впрочем, не выказывал, от людей не воротился, напротив, ко всем был внимателен, любому приходил на помощь, если таковая требовалась, и, конечно, не уподоблялся брату при дележе добычи, не крохоборничал.

Правда, ему и делиться не надо было. Он везде и всюду обходился своими силами, управлялся один; но был родом здешний — сибиряк и природой самой приучен почитать «опчество», считаться с ним, однако шапку при этом лишка не ломать, или, как здесь объясняются, не давать себе на ноги топор уронить. Работал он на местной пилораме наладчиком пил и станков, однако все люди подряд, что на производстве, что в поселке, единодушно именовали его механиком.

И был он посноровистей иного механика, любил поковыряться в новой технике, в незнакомой, постигнуть ее существо. Сотни раз наблюдалась такая картина: плывет по Енисею лодка сама собой, а на ней дергает шнур и лается на весь белый свет хозяин, измазанный сажей, автолом, насосавшийся бензина до того, что высеки искру — и у него огонь во рту вспыхнет. Да нет ее, искры-то, и мотор никаких звуков не издает. И вот тут-то, глядь, издали несется дюралька, задрав нос, чистенькая, сверкающая голубой и белой краской, мотор не трещит, не верещит, поет свою песню довольным, звенящим голоском — флейта, сладкозвучный музыкальный инструмент, да и только! И хозяин под стать своей лодке: прибранный, рыбьей слизью не измазанный, мазутом не пахнущий. Если летом — едет в бежевой, немаркой рубахе, в багажнике у него фартук прорезиненный и рукавицы-верхонки. Осенью в телогрейке рыбачит Игнатьич и в плаще, не изожженном у костров, не изляпанном,— он уж не будет о свою одежду руки вытирать, для этого старая тряпица имеется, и не обгорит он по пьянке у огня, потому что пьет с умом, и лицо у Игнатьича цветущее, с постоянным румянцем на круто выступающих подглазьях и чуть впалых щеках. Стрижен Игнатьич под бокс, коротко и ладно. Руки у него без трещин и царапин, хоть и с режущими инструментами дело имеет, на руках и переносице редкие веселые пятнышки уже отлинявших веснушек.

Никогда и никого не унизит Игнатьич, не изничтожит ехидным вопросом иль попреком, а перелезет в лодку, вежливо отстранит хозяина рукой, покачает головой, глядя на мотор, на воду в кормовом отсеке, где полощется старая рукавица или тряпка, култыхается истоптанная консервная банка, заменяющая черпак, прокисшие рыбьи потроха по дну растянуты, черви дохлые плавают, к борту приплюснутый, засох в щели пучеглазый ерш, тоже воняет. Вздохнет выразительно Игнатьич, чего-то крутанет в моторе, вытащит, понюхает и скажет: «Все! Отъездился мотор, в утиль надо сдавать». Либо оботрет деталь, почистит, отверткой ткнет в одно, в другое место и коротко бросит: «Заводи!» — перепрыгнет в свою лодку, достанет мыло из карманчика лодки, пластмассовую щетку, руки помоет и тряпицей их вытрет. И никакого магарыча ему не надо. Если пьет Игнатьич, то только на свои и свое, курить совсем не курит. В детстве, говорит, баловался, потом шабаш — для здоровья вредно.

— Чем тебя и благодарить, Игнатьич? — залепечет облагодетельствованный хозяин.

— Благодарить? — усмехнется Игнатьич.— Ты бы лучше в лодке прибрался, сам обиходился, руки с песком да с мылом оттер.— Оттолкнется веслом Игнатьич, шевельнет шнурок — и готово дело — только его и видели! Летит дюралька вдаль, усы на стороны, из-за поворота иль из-за острова еще долго слышен голосок, и пока не умолкнет в просторах нежный звон мотора, полорото торчит рыбак средь лодки и удрученно размышляет: в одной деревне родились, в одной школе учились, в одни игры играли, одним хлебом вскормлены, а поди ж ты!.. «Шшоткой руки! С мылом!»

И примется хозяин лодки со вздохом наматывать шнур на скользкий от бензина и копоти маховик с некоторой пристыженностью и досадой в душе на свою неладность.

Само собой, ловил Игнатьич рыбу лучше всех и больше всех, и это никем не оспаривалось, законным считалось, и завидовать никто ему не завидовал, кроме младшего Утробина — Командора, который всю жизнь чувствует себя на запятках у старшего брата, а был он с мозглятинкой — гнильцой самолюбия шибко порченный, не умел и не хотел скрывать неприязни к брату, и давно уже, давно они встречались только на реке да по необходимости когда — в дни похорон, свадеб, крестин. Игнатьич имел лучший в поселке дом, небольшой, зато самый красивый, с верандочкой, с резными наличниками, с весело выкрашенными ставенками, с палисадником под окнами, в котором росли малина, черемуха, цветки ноготки, мохнатые маки и неизвестные здешнему народу шаровидные цветы, корни которых похожи на брюковки. Привезла их из Фрунзе и приучила расти в суровом чушанском климате жена Игнатьича, работавшая бухгалтером на одном с мужем предприятии.

Слух был, что у Игнатьича лежит на книжке семьдесят тысяч старыми. Игнатьич слухи эти не опроверг, болтливую работницу сберкассы, выдавшую «тайну вклада», не одернул, но счет свой перевел в Енисейск. И притихла работница сберкассы, старалась на улице с Игнатьичем не встречаться, если разминуться все же не удавалось, опускала глаза и, торопливо пробегая, навеличивала: «Здрасте, Зиновий Игнатьич!»

У Игнатьича стояло возле Опарихи три конца. Чуть на отшибе от фарватера, чтоб не получилось, как у Куклина, не нашел бы темной осенней ночью лодку нос парохода и не клюнул бы ее. Однако и в сторонке от стрежи дивно брал стерлядей Игнатьич. Младший братан — страшная каторжная рожа — окружал концы старшего брата своими концами. Сокрушенно покачав головой, Игнатьич поднимал тяжелые якорницы, переставлял самоловы выше по реке — и снова брал рыбу уловисто.

Командор не отступался, давил братца и таки вытеснил его за Золотую каргу, почти «в поле чисто». И отступился, полагая, что теперь-то братец шиш обрыбится. Но на новом месте пошла на самоловы Игнатьича стерлядь хотя и реже, зато самая отборная, мельче килограмма, считай, не попадалась. И тронуло суеверные души чалдонов подозрение: «Слово знает!» Сердце Командора почернело, обуглилось от горя и злости. Увидел как-то лодку брата, самосплавом идущую по реке, и покажись ему, что старший ехидно усмехнулся. Командор схватил ружье, щелкнул курками. Игнатьич побледнел, подобрался. «Опусти ружье, молокосос! В тюрьме сгною...» «Сгинь! — взвыл Командор и, отбросив ружье, затопал сапогами, топтал рыбу так, что хрястало под подошвами. — Пропади!..» «Хар-рош! Ох, хар-рош! Ни ума, ни заклику, как говорится. Не зря же мать-покойница, не зря каялась, что в зыбке не прикинула тебя подушкой...» — Игнатьич плюнул за борт и умчался не оглядываясь. Но даже молчаливая фигура старшего Утробина за рулем — вызов Командору, скорготал он зубами, клялся про себя нащупать самоловы братца и осадой, измором, нахрапом ли выжить его с реки или загнать в такой угол, где ерш и тот не водится.

До войны в низовьях Енисея серединой лета эвенки, селькупы и нганасаны ставили по берегу чумы и ловили подпусками-переметами красную рыбу, наживляя на уды кусочки подкопченных над очагами вьюнов. Очень лакомы, видать, эти кусочки, коли дурило-осетрище хватает их вместе с почти голым крючком. К цевью уд коренные рыбаки навязывали тряпочки, берестинки, ленточки. Но они везде и всюду любят делать украшения и на одежду свою нашивают всякую всячину и на обувь, однако из-за тряпочек этих, из-за нюха ли совершенно верного брали они рыбу центнерами. Наезжие артельщики, по сезонному договору промышляющие рыбу, возле тех же песков или островов паслись, но возьмут двух-трех осетришек, стерляди на варю — и вся добыча. И тогда, переломив стыд и сердце, начинали они притираться своими наплавами к снастям коренных рыбаков. «Почто так делаш? Рыпы плават мноко. Засем по реке колесиш, засем снасти путаш?» Кочевали с места на место рыбаки, теряя дорогое промысловое время, но рыбу брали и брали, а наезжие,

---

Глава из одноименной повести. Полностью повесть выходит в журнале «Наш современник».

бросившие переметы туда, где только что рыбачили местные, вынали голые крючки.

И таким-то дубакам, как в Чуши рекут наезжих хапуг, уподобился местный житель, исконный рыбак, да еще и руку поднял на человека, да и не просто на человека, на брата, да и не просто руку, а ружье! Поселок упивался скандалом, перевещал новость со двора во двор, катил ее колесом. Жена Командора глаз не казала на улицу.

— Ты че, совсем уж залил оловянные шары! — наступала она на мужа.— Совсем выволчился! Мало тебе дочери-кровинки! Брата родного свести со свету готов! Давай уж всех нас заодно...

В прежнее время за такую дерзость он бы искуделил супругу, исполосовал бы так, что до прощеного дня хватило бы, но после гибели Тайки вызубилась она, потеряла всякий страх, чуть что — прет на него всем корпусом, тюрьмой грозит, глаза аж побелеют, щеки брюзгло дрожат, голова трясется — чует баба: свергнут грозный Командор в самом себе, добивает, дотаптывает, стерва.

И отправился на поклон к брату младший Утробин. Через дорогу плелся, будто через тюремный двор. Игнатьич дрова колол, издали приметил брата, задницей к нему поворотился, еще старательней половинил березовые чурки.

Командор кашлянул — брат дрова колет, из-за тюлевой занавески в окно встревоженно выглядывала пухленькая, меднорожая жена Игнатьича в легоньком, кружевами отделанном халатике. Командор сдавил коричневыми лапищами штакетник так, что вот-вот серу из дощечек выжмет.

— Пьяный был дак...

Игнатьич воткнул топор, повернулся, кепку поправил:

— А пьяному, что ли, закон не писан? — Помолчал и, словно в школе, принялся поучать: — Не по-людски ведешь себя, брательник, не по-людски. Мы ведь родня как-никак. Да и на виду у людей, при должностях...

Командор с детства всяких поучителей переносить не мог, ну просто болел нутром при одной только попытке со стороны людей чего-то выговорить ему, подсказать, сделать назидание. Отволохай, отлупи, рожу растворожь, но не терзай словами. И ведь знает, знает характер младшего старший брат, а, видишь ты, в кураж впал и не голову повинную сечет, а кишки перегрызает, можно сказать. «Ну-ну, давай, давай! Ты у нас наречистый, ты у нас громкой! Покажи свою разумность, выставь мою дурь напоказ. Баба твоя ухо навострила. Впитывает! Хлебат всеми дырьями, какие у ей есть, слова твои кисельные. То-то завтре в конторе у ей работы будет, то-то она потешится, то-то потрясут мою требуху и все мои косточки служащие дамочки!»

И ведь вот что занятней всего — говорит-то старший брат путем все, в точку. И насчет населения поселка. И насчет работы — сымут с должности капитана, коли пьянствовать не бросит. И насчет промысла темного, хитрого, который надо союзно вести — Куклин-чудотворец завещал,— голимая все правда, а вот вроде как близирничает братец, спектакль бесплатный устраивает, тешит свою равномерную душу, вот-вот и Тайку, пожалуй, помянет. Тогда не вынести Командору, топор выхватит...

Командор скрипнул зубами, махнул у лица рукой, словно кого отлепляя, и скорее домой подался, и тоже стал колоть дрова на зиму, да с такой силой крушил дерево, что которые поленья аж через заплот перелетали, и кто-то крикнул с улицы: «Пли!» — потом баба заругалась: «Эко, эко, лешаки-то давят! Возьмется че делать, дак и правда што как на войне!..» В работе Командор немного разрядился, отошел, мысли в нем выпрямились, не клубились огненно в башке, не путались, разума не затемняли. «Вечно так не будет,— с каким-то непривычным для него, тоскливым спокойствием решил он,— где-то, на чем-то, на какой-то узкой тропинке сойдемся с братцем так, что не разойтись...»

В студеный осенний морок вышел Игнатьич на Енисей, завис на самоловах. Перед тем как залечь на ямы, оцепенеть в долгой зимней дремотности, красная рыба жадно кормилась окуклившимся мормышом, вертелась, ошивалась, как нынешние словотворцы говорят, воз-

ле подводных каменных гряд, сытая, играла с пробками и густо вешалась на крючья.

С двух первых самоловов Игнатьич снял штук семьдесят стерлядей, заторопился к третьему, лучше и уловистей всех стоящему. Видно, угодил он им под самую каргу, а это дается уж только мастерам высшей пробы, чтоб на гряду саму не бросить — зависнет самолов, и далеко не сплыть — рыба проходом минует самолов. Чутье, опыт, сноровка и глаз снайперский требуются. Глаз острится, нюх точится не сам собою, с малолетства побратайся с водою, постынь на реке, помокни и тогда уж шарься в ней, как в своей кладовке...

К третьему концу Игнатьич попал затемно, ориентир на берегу — обсеченная по маковку елка, так хорошо видная темной колоколенкой даже на жидком свету, уперлась в низкие тучи, мозглый воздух застелил берег, землю, жестяно и рвано отблескивающая в ночи река ломала и скрадывала расстояние. Пять раз заплывал рыбак и тянул кошку по дну реки, времени потерял уйму, промерз вроде бы до самых костей, но зато лишь подцепил, приподнял самолов, сразу почувствовал — на нем крупная рыбина!

Он не снимал стерлядь с крючков, а стерляди, стерляди!.. Бурлила, изогнувшись в калач, почти на каждой уде стерлядка — и вся живая. Иные рыбины отцеплялись, уходили, которая сразу вглубь, которые подстреленно выбрасывались и шлепались в воду, клевали острием носа борт лодки — у этих поврежден спинной мозг, визига проткнута, этой рыбине конец: с порченым позвоночником, с проткнутым воздушным пузырем, с порванными жабрами она не живет. Налим, на что крепкущая скотина, но как напорется на самоловные уды — дух из него вон и кишки на телефон.

Шла тяжелая, крупная рыбина, била по тетиве редко, уверенно, не толкалась попусту, не делала в панике тычков туда-сюда. Она давила вглубь, вела в сторону, и чем выше поднимал ее Игнатьич, тем грузнее она делалась, остойчивей упиралась. Добро, хоть не делала резких рывков — щелкают тогда крючки о борт, ломаются спичками, берегись, не зазевайся, рыбак — цапнет уда мясо иль одежду. И ладно, крючок обломится или успеешь схватиться за борт, пластануть ножом капроновое коленце, которым прикреплена к хребтовине самолова уда, иначе...

Незавидная, рисковая доля браконьера: возьми рыбу да при этом больше смерти бойся рыбнадзора — подкрадется во тьме, сцапает — сраму наберешься, убытку не сочтешь, сопротивляться станешь — тюрьма тебе. На родной реке татем живешь и до того выдрессировался, что ровно бы еще какой неведомый, дополнительный орган в человеке получился — вот ведет он рыбу, болтаясь на самоловном конце, и весь в эту работу ушел, азартом захвачен, устремления его — взять рыбу, и только! Глаза, уши, ум, сердце — все в нем направлено к этой цели, каждый нерв вытянут в ниточку, через руки, через кончики пальцев припаян рыбак к тетиве самолова, но что-то иль кто-то там, повыше живота, в левой половине груди живет своей, отдельной жизнью, будто пожарник, несет круглосуточно неусыпное дежурство. Игнатьич с рыбиной борется, добычу к лодке правит, а оно, в груди-то, ухом поводит, глазом недреманным тьму ощупывает. Вдали огонек искрой мелькнул, а оно уж трепыхнулось, зачастило: какое судно? Опасность от него какая? Отцепляться ль от самолова, пускать ли рыбину вглубь? А она живая, здоровенная, может изловчиться и уйти.

Напряглось все в человеке, поредели удары сердца, слух напружинен до звона, глаз силится быть сильнее темноты, вот-вот пробьет тело током, красная лампочка заморгает, как в пожарке: «Опасность! Опасность! Горим! Горим!»

Пронесло! Грузовая самоходка, похрюкивая, будто племенной порос со свинофермы Грохотало, прошла серединой реки. Следом грустный кораблик неспешно волокся в северные дали, музыка на нем играла однотонная, протяжная, на вой метели похожая, и под эту музыку на верхней, слабо освещенной палубе умирали три парочки, плотно сцепившись перед кончиной и уронив друг дружке бессильные головы на плечи. «Красиво живут, — Игнатьич даже приостановил работу, — как в кино!»

В этот миг напомнила, заявила о себе рыбина, пошла в сторону, защелкали о железо крючки, голубые искорки из борта лодки высекло. Игнатьич отпрянул в сторону, стравливая самолов, разом забыв про красивый кораблик, не переставая, однако, внимать ночи, сомкнувшейся вокруг него. Напомнив о себе, как бы разминку сделав перед схваткой, рыбина унялась, перестала диковать и только давила, давила вниз, в глубину с тупым, непоколебимым упрямством. По всем повадкам рыбы, по грузному этому слепому давлению во тьму глубин угадывался на самолове осетр, большой, но уже умаянный. За кормой взбурлило грузное тело рыбины, вертанулось, забунтовало, разбрасывая воду, словно лохмотья горелого, черного тряпья. Туго натягивая хребтину самолова, рыба пошла не вглубь, вперед пошла, на стрежь, охлестывая воду и лодку оборвышами коленцев, пробками, удами, ворохом волоча скомканных стерлядей, стряхивая их с самолова. «Хватил дурило воздуху. Забусел!» — мгновенно подбирая слабину самолова, думал Игнатьич и вот увидел рыбину возле борта лодки. Увидел и опешил: черный, лаково отблескивающий сутунок со вкось обломанными сучьями; крутые бока, решительно означенные острыми панцирями плащей, будто от жабр до хвоста рыбина опоясана цепью бензопилы. Кожа, которую обминало водой, щекотало нитями струй, прядущихся по плащам и свивающихся далеко за круто изогнутым хвостом, лишь на вид мокра и гладка, на самом же деле ровно бы в толченом стекле, смешанном с дресвою. Что-то первобытное, редкостное было не только в величине рыбы, но и в формах ее тела, от мягких, безжильных, как бы червячных усов, висящих под ровно состругнутой внизу головой, до перепончатого, крылатого хвоста — на доисторического ящера походила рыбина, какой на картинке в учебнике по зоологии у сына нарисован.

Течение на стрежи вихревое, рваное. Лодку шевелило, поводило из стороны в сторону, брало струями на отур, и слышно было, как скрежещут о металл рыскающей дюральки плащи осетра, закругленные водой. Летошний осетр еще и осетром не называется, всего лишь костерькой, после — карышем или кастрюком, похож он на диковинно растопыренную шишку иль на веретенце, по которому торчат колючки. Ни вида, ни вкуса в костерьке и хищнику никакому не слопать — распорет костерька, проткнет утробу. И вот поди ж ты, из остроносой колючки этакий боровище вырастает! И на каком питанье-то? На мормышке, на козявках и вьюнцах! Ну, не загадка ли природы?!

Совсем где-то близко закрякал коростель. Игнатьич напрягся слухом: вроде как на воде крякает? Коростель — птица долгоногая, бегучая, сухопутная и должна до сроку убегти в теплую сторону. А вот поди ж ты, крякает! На близком слуху — вроде как под ногами. «Не во штанах ли у меня закрякало?!» Игнатьич хотел, чтоб шутливые, несколько даже ернические штучки сняли с него напряжение, вывели бы из столбняка. Но легкое настроение, которого он желал, не посетило его, и азарта, того дикого азарта, жгучей, всепоглощающей страсти, от которой воет кость, слепнет разум, тоже не было. Наоборот, вроде бы как обмыло теплыми, прокислыми щами, там, слева, где несло дежурство, оно, недреманное ухо, око ли.

Рыба, а это у нее коростелем скрипел хрящатый рот, выплевывала воздух, долгожданная, редкостная рыба вдруг показалась Игнатьичу зловещей. «Да что же это я? — поразился рыбак. — Ни бога, ни черта не боюся, одну темну силу почитаю... Так, может, в силе-то и дело?» Игнатьич захлестнул тетиву самолова за железную уключину, вынул фонарик, воровато, из рукава осветил им рыбину с хвоста. Над водою сверкнула острыми кнопками круглая спина осетра, изогнутый хвост его работал устало, настороженно, казалось, точат кривую татарскую саблю о каменную черноту ночи. Из воды, из-под костяного панциря, защищающего широкий, покатый лоб рыбины, в человека всверливались маленькие глазки с желтым ободком вокруг темных, с картечины величиною, зрачков. Они, эти глазки, без век, без ресниц, голые, глядящие со змеиной холодностью, чего-то таили в себе.

Осетр висел на шести крючках. Игнатьич добавил ему еще пяток — боровина даже не дрогнул от острых уколов, просекших сыромятно-твердую кожу, лишь пополз к корме, царапаясь о борт лодки, набирая разгон, чтобы броситься по туго в нее бьющей воде, взять на типок тетиву, чтобы пообрывать поводки самолова, переломать все эти махонькие, ничтожные, но такие острые и губительные железки.

Жабры осетра захлопали чаще, заскрипели решительней. «Сейчас пойдет!» — похолодел Игнатьич. Не всем умом, какой-то его частью, скорее опытом он дошел: одному не совладать с этаким чудищем. Надо засадить побольше крючков в осетра и бросить конец — пусть изнемогает в глуби. Прискачет младший братец на самоловы, поможет. Уж в чем, в чем, а в лихом деле, в боренье за добычу не устоит, пересилит гордыню. Совхозная самоходка

Юрий
МЕЛЬНИКОВ

ЗЕМН

УДИВЛЕНЬЕ

Мир красив.
Цветут земли творенья,
Осыпая лепестки у ног.
Вызывает в людях удивленье
Сквозь асфальт
Пробившийся росток.

Изумляют вспышками зарницы,
Освещая даль по вечерам.
Постоянством удивляют птицы,
Сквозь ветра
Стремящиеся к нам.

И душой завянешь, может статься,
Как былинка в поле в летний зной,
Если перестанешь удивляться
Красоте
Поэзии земной.

ДАРЬИНА ДОРОГА

На пригорке,
За сосновой чащей,
Дом ее стоял возле реки.
Знали на деревне
Работящей
Дарью Иванову
Земляки.

ОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

То беря мотыгу,
А то — вилы,
Каждый день
Заботами полна,
Первой шла
И поутру торила
Тропку в поле
От села
она.

И косила
И вручную жала
Рожь густую
В августовский зной.
И весной и осенью
Сажала
Деревца
Вдоль тропки полевой.

— И никто не заставлял,
Чудная,
Шла б домой, —
Жалели мужики.
А она,
Тех слов не принимая,
Поднимала над землей
Дубки.

С той поры
Прошло уже немало.
Целый строй дубов
Поднялся тут.
А тропинка та
Проселком стала,
И дорогу Дарьиной
Зовут.

ГЛУХОМАНЬ

Подо мною —
Мох, как вата,
И лишайник —
предо мной.
И трава
Здесь не помята,
И тропинки — ни одной.
И малинник
виден глазу
И упругий краснотал.
И, мне кажется,
Ни разу
Человек тут не бывал.
И деревья,
Как на чудо,
Загляделись на меня.
Кто он, думают,
Откуда
Этот тип
В начале дня?
И шагаю
Вдоль реки я.
Вдаль посмотришь —
Красота!
И я рад,
Что есть такие
На земле моей
Места.

МОРЕ

Далеко слышен гул прибоя.
За валом вал идет,
сердит.
Мильоны лет ему.
Седое,
Оно волнуется.
Шумит.

Ракушки на песок бросает
Волна,
надменно высока...
Но, успокоясь, затихает
Оно,
Ласкает берега.

И тянет вновь
Хоть на мгновенье
Оно к себе нас издали.
Есть и у моря притяженье,
И не слабей,
Чем у земли.

ПАМЯТЬ ОСВЕТИЛА

Шумит осинник
красною листвою,
Прохладой обдает осенний час.
Село мое...
Опять перед тобою
Стою я на холме
в который раз.
Мне с детства тут
все дорого и мило —
От озера до птичьего гнезда...
Взглянул я вдаль,
и память осветила
Передо мной
далекие года.
Я вижу, как парит
над тихим лугом
Кругами коршун
в синей вышине,
Как я иду по борозде за плугом
И соль белеет
на моей спине.
Как солнцу восходящему
навстречу
Спешу,
обрызган белою росой.
И, расправляя молодые плечи,
За шагом шаг
кошу траву косой.
Мне дороги
Внизу у речки хаты
И стаи белых уток на пруду.
Отсюда в город
я увез когда-то
Свою любовь начальную
К труду.

ГНЕЗДА

Опустели гнезда,
опустели.
Не кричат давно
Грачи над ними.
На ветвях
Качают их метели
Над горой
Под тучами седыми.
За морями
Странствуют далеко
Черные
Лоснящиеся стаи.
Далеко от своего истока,
От земли,
Где в детстве подрастали.
Как теперь,
Крикливым, им живется
Вдалеке
От северного края?
А метель шумит.
Береза гнется,
Ветви-руки
К югу простирая.

ушла за вырубленной в Заречье капустой, и пока судно не разгрузит овощ, Командор к Опарихе не явится.

Надо ждать, жда-ать! Ну, а дождешься, так что? Делить осетра? Рубить на две, а то и на три части: с братцем механик увяжется — этакий на бросового человечишку Дамку похожий обормот. В осетре икры ведра два, если не больше. Икру тоже на троих?! «Вот она, вот она, дрянь-то твоя, и выявилась! Требуха-то утробинская с мозглятинкой, стало быть, и вывернулась!..» — с презрением думал о себе Игнатьич. Кто он сейчас? Какой его облик вылупается? Лучше Дамки, недобитого бандеровца Грохотало иль младшего братца? Все хапуги схожи нутром и мордой! Только иным удается спрятать себя, притаиться до поры до времени, но накатывает случай, предел жизни настигает, как говаривал покойный Куклин, и сгребает всех в одну кучу, а потом одного по одному распределяет на места. Кто остойчив, кто держится на своих собственных ногах, живет своим умом, при любом соблазне хлебает под своим краем, не хватая жирных кусков из общего котла,— характер свой на дешевку не разменивает, в вине себя не топит, пути своей жизни не кривит, у того человека свое отдельное место в жизни и на земле, им заработанное и отвоеванное. Остальное все в хлам, в утиль, на помойку!

«Ах, умница-разумница! — усмехнулся Игнатьич. — Все-то ты разумеешь, все-то тямлишь! Игрунчик! Артист куда с добром! Докажи, каков рыбак?» — раззуживал, распалял самого себя старший Утробин. Чалдонская настырность, самолюбство, жадность, которую он, хитря с собою, считал азартом, ломали, корежили человека, раздирали на части.

— Не трожь! Не тро-о-ожь! — остепенял он себя. — Не осилить, не взять!

Ему казалось: если говорить вслух, то как бы со стороны кто-то с непритухшим разумом глаголет, и от голоса его возможно отрезветь, но слова звучали отдельно, далеко, глухо. Лишь слабый их звук достигал уха ловца и совсем не касался разума, занятого лихорадочной работой — там планировались действия из нагромождений чувств, выскребалась наверх деловитость, овладевала человеком, направляла его — он пододвигал к себе топорик, острый крюк, чтобы поддеть им оглушенную рыбину.

Окончание следует.

С РОССИЕЙ В ДУШЕ

Горький нередко обращался в своем творчестве к образам, навеянным древней историей. Пример тому — написанные в 1905 году «Заметки о мещанстве». Здесь использована легенда о Цирцее, волшебнице, обращавшей человека в животное своей злой силой.

Размышляя о властях царской России, неспособных руководить развитием общества, писатель делает вывод о распаде государственного строя страны, где «власть, подобно Цирцее, превращает человека в животное».

Позже, путешествуя по Италии, детально изучая район Неаполитанского залива, Горький достиг мыса Атенео, где, по преданию, жила Цирцея, а в Римской картинной галерее — Вилле Боргезе — на картине Доссо Досси увидел саму колдунью.

Это лишь один из многих живых эпизодов, которые возникают под пером Л. Быковцевой, автора монографии «Горький в Италии», написанной серьезно и достоверно благодаря детальнейшему, во всех подробностях, изучению итальянского периода жизни Горького.

В общей сложности писатель провел в Италии пятнадцать лет. Здесь он закончил повесть «Мать», написал «Детство», «Исповедь», «По Руси», «Вассу Железнову», «Дело Артамоновых», три из четырех томов романа-эпопеи «Жизнь Клима Самгина», многие другие произведения. «Можно сказать, что половина всего созданного Горьким написана в Италии», — утверждает исследователь.

Л. Быковцева интересно и свежо рассматривает художественные произведения Горького, сопоставляя их с фактами жизни писателя в ту пору. Именно эта манера повествования и позволяет нам становиться как бы участниками ее кропотливого и увлекательного исследования итальянского периода — всего того, чем был занят Горький вдали от России, но всецело принадлежа России.

«Горький не увозил с собой на чужбину... горсточку русской земли в ладанке. Русская земля, — писал К. Федин, — была увезена им в своей душе. Он днем и ночью мечтал о будущем этой земли, он создавал ее будущее трудом, в котором вдохновение состязалось с упорством».

Н. ТОЛЧЕНОВА

Л. Быковцева. Горький в Италии. М., «Советский писатель», 1975, 384 стр.

11 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ СТРАНЫ

ОХРАНЯЮЩИЕ НЕБО

Когда во время военных парадов в Москве по Красной площади проходит боевая техника, вместе с другими ракетными подразделениями обязательно движутся и установки гвардейского ордена Ленина Путиловско-Кировского зенитно-ракетного полка. Рядом с межконтинентальными баллистическими ракетами оружие ПВО кое-кому покажется не столь внушительным. Внешне оно, конечно, проигрывает. Но ведь значение и важность каждого вида и рода войск не в том, как он выглядит на параде, и даже не в том, какой разрушительной мощью он обладает. Главное — как все эти вместе взятые виды и рода войск выполняют основную задачу Советской Армии — стоять на страже мирного труда нашей Родины.

Путиловско-Кировский полк — часть-ветеран. Официально дата его рождения — 7 ноября 1918 года. Но когда вы спросите об этом в полку, вам, назвав дату, обязательно скажут:

— Но это не совсем точно.

Более точным считают другое время. В музее части собраны документы, воспоминания ветеранов Кировского завода, участников Октябрьского вооруженного восстания 1917 года, героев гражданской войны. Эти документы и воспоминания говорят, что уже в мае 1917 года, за шесть месяцев до штурма Зимнего, в пушечной мастерской Путиловского завода по личному указанию В. И. Ленина был создан артиллерийский отряд Красной гвардии. Многие рабочие мастерских записались в него добровольцами. После июльских событий 1917 года красногвардейцам удалось укрыть вооружение отряда. Артиллеристы-путиловцы сыграли немаловажную роль в подавлении корниловского контрреволюционного мятежа, участвовали в штурме Зимнего, отражали попытку наступления Керенского и Краснова на красный Петроград. В 1918 году артиллерийский отряд был переименован в Стальной путиловский зенитный артиллерийский дивизион, покрывший себя неувядаемой славой в годы гражданской войны.

Вторая Стальная противосамолетная батарея — прямая предшественница гвардейского ракетного полка — сражалась в 1918 году с немцами под Псковом. Потом с белогвардейцами под Череповцом, Вологдой, Архангельском, Ростовом-на-Дону, Майкопом, Тихорецкой, Минеральными Водами, Владикавказом. Гражданскую войну она заканчивала в Тбилиси. Потом до 1939 года охраняла важнейшую топливно-энергетическую базу страны — Бакинские нефтяные промыслы.

В Подмосковье артиллеристы-зенитчики перебазировались незадолго перед войной. И когда в ночь на 22 июля 1941 года немецко-фашистская авиация совершила свой первый налет на столицу, 193-й зенитный артиллерийский полк — так он именовался в то время — встретил их огнем. В первую осень войны зенитчикам пришлось переквалифицироваться в истребителей танков. Сейчас на развилке Рогачевского шоссе, у станции Лобня, стоит на постаменте зенитная пушка. На этом месте первого декабря 1941 года орудийные расчеты замполитрука В. Громышева и старшего сержанта Г. Шадунца встретили огнем десять фашистских танков. Два из них подбили, остальные заставили повернуть вспять.

А через день враг бросил против смельчаков 25 стальных машин. Бойцы Громышева уничтожили еще два танка, все погибли, но не отступили. Когда у орудия Гайка Шадунца разбило прицел, зенитчики наводили пушку по каналу ствола. Враг не прошел. Лобня — это всего 26 километров к северу от Москвы.

В середине войны на долю зенитчиков полка выпала и величайшая радостная миссия: они участники салюта в честь освобождения Орла и Белгорода — первого победного салюта минувшей войны.

История гвардейского ордена Ленина Путиловско-Кировского зенитно-ракетного полка — это частица истории Советской Армии. В нем, как в капле воды, отразилась вся ее суть: верность идеям ленинской партии, многонациональный характер, интернациональная солидарность, высокая боевая готовность.

По традиции служить сюда приходят много новобранцев из Кировского района Ленинграда, потомки тех путиловских рабочих, что когда-то создавали первый артиллерийский отряд Красной гвардии. Тут они постигают все тонкости новейшей техники. На боевых стрельбах, в которых участвовал полк в последние годы, его артиллеристы получали только оценку «отлично».

— Мы несем постоянное дежурство, и в мирное время выполняя боевую задачу,— говорит командир части Иван Константинович Проскурин.— Ведь мы ПВО. Мы охраняем чистое небо Родины.

Л. ПЕТРОВ

●

Гвардии подполковник И. И. Кочуров оценивает воздушную обстановку.

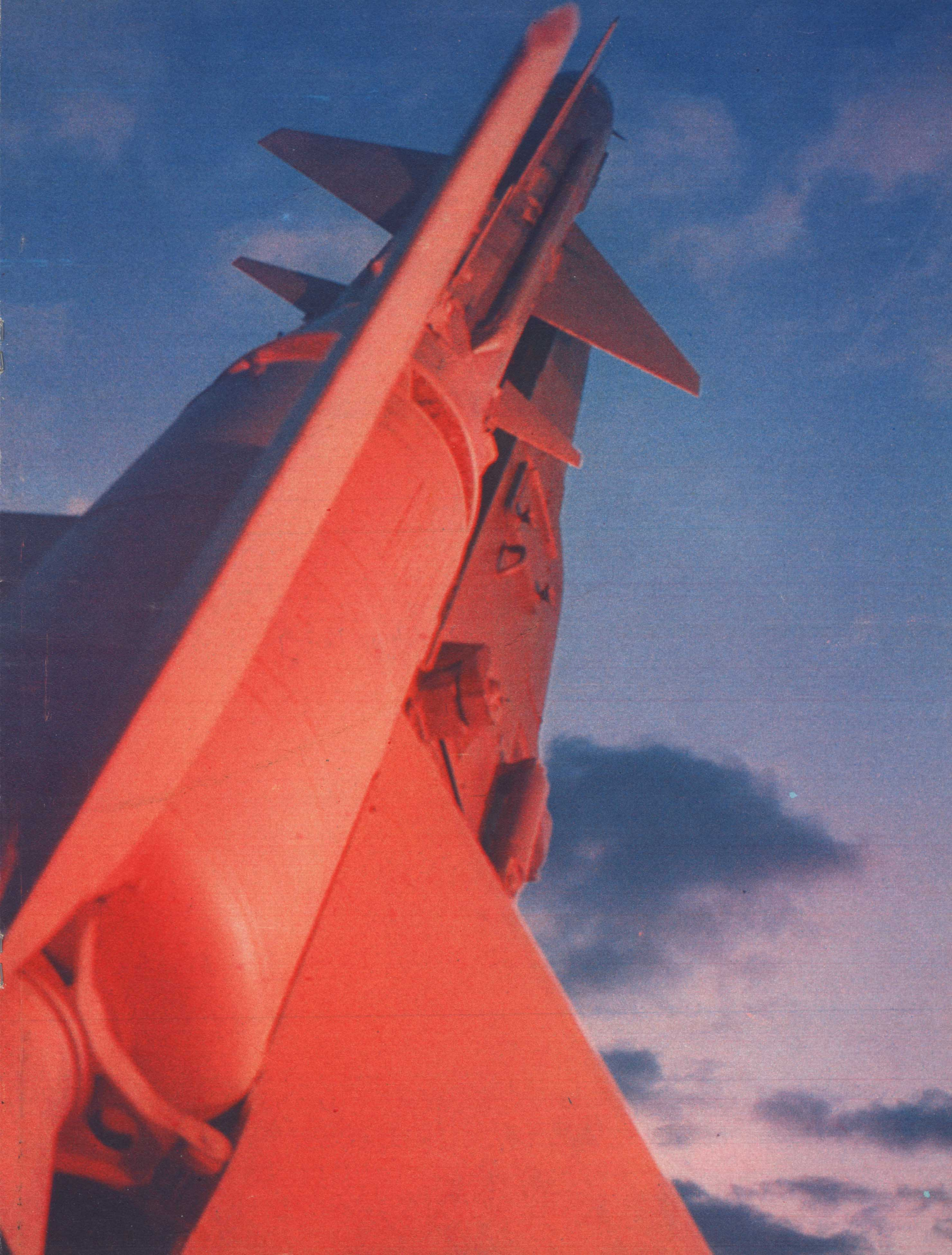
Ракета «земля — воздух».

На развороте вкладки: Враг не пройдет.

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Э. СИНЯКОВА,
учительница

КОГДА УЧИТЬСЯ УЧИТЕЛЮ?

Недавно мы провели в классе день откровенности. Я заранее собрала вопросы. И хотя все они были написаны печатными буквами, мне не составило большого труда определить авторов и понять, кто чем интересуется.

Вот уже шесть лет знаю я свой 10 «В» — средняя школа № 49,— знаю с той поры, когда сегодняшним парням и девушкам было по одиннадцать лет. На моих глазах они становились взрослыми. О степени их зрелости говорят эти вопросы. Чтобы приготовиться к ответам на них, пришлось работать по вечерам, перерыть гору книг, призвать на помощь жизненный опыт...

Правда, был и такой вопрос: «Как быть, если я никому не нравлюсь?» Знаю, кто это написал. Будем снисходительны и простим человеку, что из всех тем — от футбола до космоса и от несовершенства мира до конкретных пунктов школьной программы — его (или ее) сегодня больше всего волнует неразделенная любовь...

Но по-настоящему огорчил меня и заставил о многом задуматься вопрос: «Почему мне скучно жить?» И этого знаю, и к ответу готова. Знаний у него поменьше, чем у других, а лени, инертности — побольше. Сколько сил отдала я этому ученику! Как радовалась его тройкам в то самое время, когда меня огорчали четверки некоторых других! Но здесь особый случай. Тот самый, когда вначале пришлось воспитывать родителей и отчаянно биться над тем, чтобы пробудить в ребенке интерес к знаниям.

Нет, этим учеником я много занималась, значительно больше, чем предусмотрено школьной программой с ее одним воспитательным часом в неделю. И этим, и этим... С тревогой всматриваюсь в юные, ставшие мне родными лица. Прямо из школы они уйдут в большую жизнь — одни в вузы, а большинство — на производство. Многие мои воспитанники примут профессии родителей: станут металлургами, химиками, машиностроителями. И хотя человек воспитывается всю жизнь, все же основной багаж знаний, черты характера, склонности, навыки общения с людьми он выносит из школы. Здесь выковываются самые основы общеобразовательного, культурного, морального и политического уровня общества.

Все, что могла, я старалась отдавать своим воспитанникам. Но многое ли я могла? Увы, не только сейчас, с позиций пройденного, но и часто на протяжении последних шести лет я мучительно сознавала: это не успеваю, то упустила, там хотела побывать, но не смогла, с тем хотела встретиться — не было возможности. И во всех случаях это касалось моих учеников или непосредственно, или косвенно, потому что им принадлежит и теоретический и житейский багаж учителя.

Тринадцать лет я здесь работаю и все тринадцать лет живу в каком-то цейтноте. С восьми часов утра и до трех каждый день в школе. Это нормально проведенное время нормально загруженного учителя, у которого около двадцати уроков в неделю и классное руководство. Таких учителей у нас абсолютное большинство. Начинаешь с приготовления кабинета к занятиям, а в конце дня не можешь уйти, не проверив, как дежурные вымыли классную комнату: после нас приходит вторая смена.

От двух до шести часов в день уходит на проверку тетрадей и подготовку к урокам. Мало. Надо бы больше, да взять неоткуда. Ведь есть еще партийная и комсомольская работа (я, например, секретарь школьной парторганизации), встречи с родителями, педсовет, занятия с отстающими. А надо и читать и ходить в кино, театр, быть в курсе последних политических и международных событий.

Во время летнего отпуска я обычно уезжаю к маме в Подмосковье и с утра до вечера читаю все, что должна была, но не смогла прочесть в течение года.

За неделю накапливается немало работы, которую можно было бы сделать в воскресенье (хотя это тоже непорядок — учитель и отдохнуть должен и своими детьми заняться, если таковые у него есть. Я так вижусь со своей дочерью чаще в школе на переменках, и половина наших разговоров — по телефону). Но приходит воскресенье, и надо спешить в... школу, где открыт постоянно действующий клуб выходного дня. Он нужен, чтобы отвлечь детей от нежелательных увлечений, которые появляются, когда мальчишки не знают, куда девать время.

Работают в этом клубе те же учителя. И не дай бог, если заглянувший в школу проверяющий обнаружит, что в воскресный день она была недостаточно заполнена учениками. Только вот беда — этот клуб посещают обычно так называемые благополучные дети. Они приходят в библиотеку, спортзал, принимают участие в пионерской и комсомольской работе. Многие из них в этот день могли бы побегать с родителями на лыжах, отправиться в лес или на речку, или в конце концов помочь старшим в работе по дому, но они приходят в школу.

Но вот ты только вжился в этот насыщенный, очень плотный график, как вдруг приходит разнарядка заполнить определенный сектор стадиона. Там, видите ли, идут очень важные состязания, а трибуны пусты. И мы идем их заполнять. Сейчас, например, мы не распространяем, а именно распределяем билеты на мотогонки.

Кроме таких эпизодических дел (довольно частых), где школа выступает в качестве палочки-выручалочки, есть еще и постоянные. Скажем, обязательная покупка билетов в театр юного зрителя. И вот у меня в руках увесистая брошюра, где на целый сезон вперед расписано, какие школы, в какие дни и часы и сколько зрителей должны обеспечить театру. Причем какой именно спектакль будет идти в этот день и час, неизвестно. Но зрителя, а вернее, покупку билетов, мы должны обеспечить, и в заранее расписанном количестве.

Брошюра сия издана типографским способом, на ее обложке названы издатели — очень уважаемые нами организации. Попробуй ослушайся. Распространитель билетов приезжает из театра, но в классы даже не заходит, и не то что с учениками — с учителями не разговаривает. Он идет прямо к нашему учителю — организатору внеклассной и внешкольной работы, раскрывает эту брошюрку и говорит: «На завтра вам положено триста билетов, а на послезавтра — двести». После чего билеты делятся между классами.

Мы не против театра. Но позвольте нам выбрать и удобное для его посещения время и интересующий нас спектакль. Почему бы распространителю не прийти в класс и не рассказать детям о репертуаре? Но зачем же ему лишние хлопоты, если билеты в приказном порядке распределены на весь сезон вперед!

К чему это приводит? Вот последний случай. Нашему классу досталось уже по внутришкольной дележке двенадцать билетов. А время самое неподходящее. Четыре мальчика организуют в младших классах игру «Зарница»; один готовится к вступлению в комсомол — у него завтра бюро; две девочки в сборной команде школы по волейболу, и у них «на носу» соревнования и т. д. и т. п. А те, которые могут пойти, обижаются: «Мы и в прошлый раз ходили за всех...»

Тогда класс решил: «Стоимость билетов разделим на всех поровну, а в театр пойдут те, кто захочет». Двенадцать билетов выкупили, три человека пошли в театр, девять билетов остались у меня в столе. Есть в этом зло видимое. Но есть и невидимое. Это — время и нервы учителя. Не занимайся я этими билетами, успела бы поговорить с родителями одного из «трудных» учеников или прочитать интересную книгу.

Можно было бы привести и другие случаи, когда вместе с учениками отвлекают и учителя, нарушая его планы. Но еще непонятней, когда нас мобилизуют для каких-то одноразовых мероприятий без учеников. А таких одноразовых в сумме получается немало.

В начале нынешнего учебного года каждый учитель получил свой участок — несколько домов или улиц — и по вечерам ходил по квартирам, заполняя анкету из 19 (!) вопросов. Мы должны были выявить, сколько в районе молодых семей до 30 лет, сколько несемейных мужчин и то же самое — женщин; определить число неработающих без уважительных причин, выявить, какие семьи следует считать «неблагополучными», и т. п.

Так не мудрено и забыть, что главная наша работа — учить детей, воспитывать их. А все потому, что за ту, «не главную» работу с нас строже и чаще спрашивают, чем за основную. Случается, что успехи всей школы оценивают не по уровню преподавания, а по каким-то случайным признакам. Как-то член одной из комиссий спросил у нескольких ребят, когда проводится День антифашиста. Ребята точного ответа не дали. И тогда начали склонять школу во всех падежах: неудовлетворительно, мол, поставлено в ней интернациональное воспитание.

Мне кажется, что главная наша задача — повышение качества и результативности педагогического труда, воспитание подрастающего поколения способным достойно продолжить дело отцов. Этого требуют от нас интересы Родины, на это нацеливают нас решения партии.

Оценивать работу школы следу-

Заряжающие гвардейцы-зенитчики, старший сержант Александр Сизов, ефрейтор Юрий Осипов, рядовой Николай Шашков.

Гвардии рядовой В. Федоров следит за целью.

ет, очевидно, не только по отдельным достижениям в спорте или сборе металлолома, а по тому, кого она выпускает, по тому, насколько наши воспитанники грамотны, насколько мы сумели привить им идейную убежденность и нравственные черты.

Не хочу, чтобы кто-то решил, будто я призываю воспитывать наших детей белоручками, отнюдь. Есть дела, которые мы считаем своими: забота старших о младших, охрана природы, санитарные патрули, сбор металлолома и макулатуры и многое другое. Здесь учителя всегда рядом со своими подопечными, здесь идет интенсивный процесс воспитания и взаимовлияния.

Но следует оградить школьного учителя от несвойственной, не связанной с его воспитанниками работы. Несколько часов узаконенного свободного времени в неделю ему не только нужны — они необходимы как воздух.

С каждым годом учителю все труднее входить в класс. Ученики стали сложнее, духовно богаче, самостоятельнее в оценках и суждениях. Учителю надо быть не только, как принято говорить, предметником, не только классным руководителем, но и комсомольским вожаком, организатором экскурсий, квалифицированным заведующим кабинетом, который владеет радио- и кинотехникой.

Конечно, для этого нужен целый комплекс мер, начинающийся с отбора абитуриентов во время приема в педагогические вузы и с улучшения подготовки учительских кадров. И надо принимать в них больше юношей, потому что ныне в школах почти не осталось мужчин, а для воспитания мальчишек, особенно из «трудных» семей, сильное мужское влияние просто необходимо. Не лишней была бы, вероятно, и характеристика-рекомендация педсовета школы, которая должна учитываться при приеме абитуриента в институт. Нужна эффективная система внеклассной и внешкольной воспитательной работы, ученического самоуправления.

Мы все острее ощущаем отсутствие научно обоснованной единой программы воспитания школьников применительно к их возрастным особенностям и устали от обещаний на этот счет Министерства просвещения СССР и Академии педагогических наук. Нужна более широкая сеть детских внешкольных учреждений, таких, как дворцы пионеров, станции юннатов и юных техников.

Недостатки этих организаций и несовершенство их работы сегодня пытается восполнить все тот же учитель-предметник, он же классный руководитель. И если его ученику, который уже завтра собирается покинуть школу, «скучно жить на свете», если его воспитанник так и не заинтересовался окружающим его миром,— остается пенять на себя, на свою занятость, на вечную спешку, на нестабильность собственных планов.

Надо самым решительным образом оградить школьного учителя от незапланированных дерганий: на роль статистика, пожарного, участкового, дежурного зрителя, курьера... Это в интересах всего общества, которое ожидает получить из рук учителя достойную и надежную смену.

Днепропетровск.

УМОЛКНУВ

Николай СТОР

Война была почти на исходе. Стоял на редкость радостный апрель 1945 года.

В пургу и жару, ночью и днем шел я последние годы военными дорогами, многие из которых не разыщешь даже на армейских картах-километровках. И вот впереди показались сквозь легкий туман горы, а чуть дальше — занесенный снегом перевал, а за ним полагалось быть Чехословакии. Именно туда вели следы отступавшего врага, отрезанного от переправ Одера.

Этот след стала заметать как назло рассвирепевшая, несмотря на четвертый месяц года, метель последней военной весны. Качались высокие сосны, пронзительно свистел ветер, а мы шагали, распахнув шинели, по одной из последних военных дорог, убегавшей в похмуревшие горы.

— Баста! — сказал мой спутник. — Вот стоит великолепный дом. Надоело мне спать на снегу, на земле, на соломе, я вношу деловое предложение...

Предложение было принято без голосования. Мы направились прямо к дому, верхние окна которого были заманчиво освещены.

На тяжелых железных воротах висел огромный ржавый замок.

Мы обошли ограду и вошли в калитку. Снег крупными хлопьями покрыл мохнатые лапы серебристых елей.

Позвонили. За дверью раздалось сразу несколько голосов, потом мы услышали звук падающего засова, темно-зеленые матовые стекла на дверях, защищенные бронзовой решеткой, осветились мягким светом.

Аккуратненький немец стоял на пороге, рядом с двумя пожилыми женщинами в неизменных чепцах и фартуках, расшитых цветными нитками.

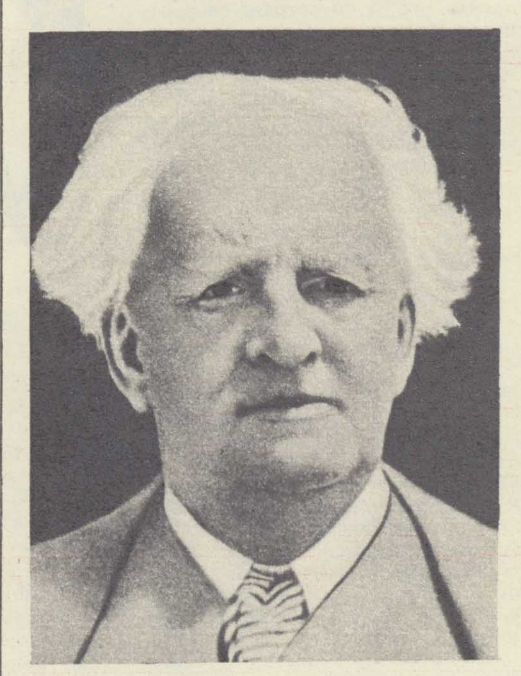
— Битте... битте...— заговорил немец,— я доктор...

Узнав, что мы русские журналисты, немец всплеснул руками. Он начал стаскивать с нас помятые и пропахшие дымом костров, потертые шинели.

Мы вошли в просторный зал. Ничто не говорило о том, что в этом доме живут люди. Словно в музее, на стенах развешаны картины, посреди зала огромный стол, на нем под стеклянным колпаком старинные книги, фрески, различные изделия из слоновой кости, дерева, стекла.

— О! Вы себе не можете представить,— сказал нам доктор,— как он будет рад увидеть вас... О! Айн момент... — И он исчез.

Оставшись одни, мы стали осматривать зал. С удивлением и благоговением узнавал я толстые, в металлических переплетах книги времен Иоганна Гутенберга и среди них второе издание латинской грамматики Элия Доната, книги великого старца, создавшего когда-то в сырых подвалах тихого монастыря Арбогаста первую в мире, хотя и примитивную типографию. Здесь же рядом старинные издания книг Данте, Петрарки, Боккаччо, манускрипты, не попавшие в свое время в руки папы Николая V, положившего основание знаменитой впоследствии ватиканской библиотеки. По соседству книга из собрания величайшего библиофила и непревзойденного знатока латинского языка Поджо Браччолини, уже тем сделавшего огромный вклад в культуру человечества, что им были найдены в местных монастырях и впервые опубликованы рукописи Квинтиллиана, Лукреция, Стация, речи Цицерона, 12 комедий Плавта.

Герхарт Гауптман.

На стене под стеклом — полотно. На нем готическим шрифтом вышито изречение, неизвестно кому принадлежащее:

«Государство может быть приведено в смятение тем, что говорят иные книги, но оно безусловно погибнет, если они вдруг замолчат».

Доктор так же быстро и внезапно спустился к нам по лестнице, как несколько минут тому назад он поднялся по ней.

— Пойдемте... Пойдемте... Он ждет вас... Он очень рад видеть вас, майн герр...

По мягкой ковровой дорожке, устилав-

ШИЙ КОЛОКОЛ

шей лестницу, поднялись мы на второй этаж, вошли в комнату, где находится «он».

— Знакомьтесь! Герхарт Гауптман,— говорит нам доктор.

Так он жив! Значит, мы в доме Гауптмана, писателя, драматурга, скульптора, художника, мы в доме автора «Ткачей» и «Потонувшего колокола».

Гауптман сидит в глубоком кресле, неестественно прямо держа побелевшую голову. Все в нем крупно, огромно, грандиозно: руки, глаза, нос, уши, губы,— сам он велик, и кресло кажется под ним детским. Гауптман сидит неподвижно, как памятник самому себе. Его колени и ноги покрыты пледом. Он недвижим. Крупные его глаза слезятся, кисти рук лежат, словно мраморные, на ручках кресла, и кажется, что он хочет опереться на них, чтобы привстать, встречая нас.

— Я рад... очень рад,— говорит Гауптман. Вернее, не говорит, а шепчет.

Беседа началась с обычных взаимных приветствий.

— Как чувствуете себя?

— Все хорошо... Сердце работает исправно,— отвечает Гауптман,— если верить моему доктору. Он следит за мной вот уже пятнадцать лет. Все отлично, если бы не одиночество... Не знаю даже, есть ли у меня родственники. Одна лишь Маргарет...

Гауптман задыхается. Его жена Маргарет, стоящая за креслом, подносит ему стакан воды, и Гауптман с большим усилием делает глоток.

— Я рад,— продолжает Гауптман,— рад видеть в своем доме русских. Они не впервые у меня в гостях.

И Гауптман рассказывает...

В 1906 году его посетил Константин Сергеевич Станиславский. Он привез с собой и преподнес Гауптману шесть изданий различных переводов на русский язык «Потонувшего колокола», новеллы «Стрелочник Тиль», «Флориан Гейер» и других.

— О, это был великий артист... и величайший знаток театра,— говорит Гауптман.

Гауптман вспоминает с большой любовью о Чехове.

— Чехов — это эпоха театра, еще мало исследованная... Мои первые пьесы были поставлены раньше пьес Чехова, но впоследствии я мечтал так писать, как Чеховым написаны «Чайка» и «Три сестры»...

Без памяти влюблен и в Лескова,— продолжает Гауптман,— пятьдесят лет, как я не расстаюсь с ним...

Жена Гауптмана показывает нам книгу, лежащую на столе у кресла. Это произведения Лескова в лейпцигском издании. Здесь «Запечатленный ангел», «Шерамур», «Очарованный странник» и «Человек на часах».

На стене в овальной рамке маленький портрет Толстого.

— Самое благородное сердце человечества — таким останется в веках Толстой,— сказал Гауптман, когда мы стали рассматривать этот портрет.— Ему, быть может, равен Гете... Они оба, как исполины, освещенные солнцем славы... На нас же падает их тень... К столетию со дня рождения Толстого ко мне обратились, чтобы я написал о нем.. С охотой я взялся за перо... Предполагалась большая моя статья. Я долго писал ее, и, когда почти закончил работу, мне стало неудобно... Я порвал эту статью... Смешно своим плащом укрывать Монблан от дождя...

— Я узнаю Герхарта,— говорит жена.— Ему есть что вспомнить... Раньше каждый вечер у нас бывало в гостях по меньшей мере человек десять — пятнадцать,— критики, артисты, поэты, драматурги, скульпторы, режиссеры, художники, журналисты. А сейчас Герхарт даже не отвечает на письма... И писем-то к нему нет... Никогда мы не были так одиноки... Самые мрачные годы в жизни Гауптмана — это когда мы слышали с утра и до вечера лишь барабанный бой.

Гауптман снова оживляется.

— О... да...— говорит он.— Барабан... Барабан... Что может быть ужаснее этого? Их можно ненавидеть за одно уже то, что их любимым инструментом был барабан, скрипку Страдивариуса они могли бы со спокойной совестью променять на любой саксофон... Мы считали их соколятами, пока они были цыплятами. Мы были близоруки, плохо разглядели их в молодости... Но все мрачное уже позади. Одно лишь прискорбно, что мне 83 года, но кого это может волновать?! Все идет, как полагается... Был день, был вечер, и вот скоро уже рассвет...

Действительно! Засиделись мы слишком... Мы прощаемся...

Гауптман дарит нам свои книги.

...Мы уходили, оставляя Гауптмана в кресле. В этом кресле он остается на всю ночь. Так он отдыхает, в этой комнате с потушенными огнями, наедине с самим собой.

В дни молодости, сдавая экзамен по литературе, писал я сочинение на тему «Ткачи» Гауптмана». В тот год я впервые прочел его книги.

В этом доме собраны тысячи книг Гауптмана, изданные во всех частях света. Без труда я нахожу многие русские издания. Ими заняты несколько полок. Россия хорошо была знакома с творчеством Герхарта Гауптмана, любила его, понимала проникновенно созданные им картины немецкого мещанского быта, грустила над одинокими и лишними людьми — героями ранних его произведений...

Сам Гауптман весь в прошлом. Как писатель, он сказал все, что мог, еще в начале века. Пожалуй, он единственный из всего литературного мира, кто последние десятилетия читал о себе критические отзывы, написанные так, как будто бы его, Гауптмана, уже не было в живых. При жизни он ушел навсегда из литературы и театра.

Но тем не менее Гауптман оставался Гауптманом, автором красивейшей немецкой сказки о бедном Генрихе, которому дети принесли в горы, куда он ушел, чтобы отрешиться от мира, крынку материнских слез, выплаканных ею...

А в весенние дни 1945 года в сказочном замке Гауптмана, запрятанном в хвойных лесах Исполиновых гор, началась паника. Кончался запас угля, тысячи немцев оставляли Силезию, и никто уже не приносил Гауптману молока, яиц, сыра, творога.

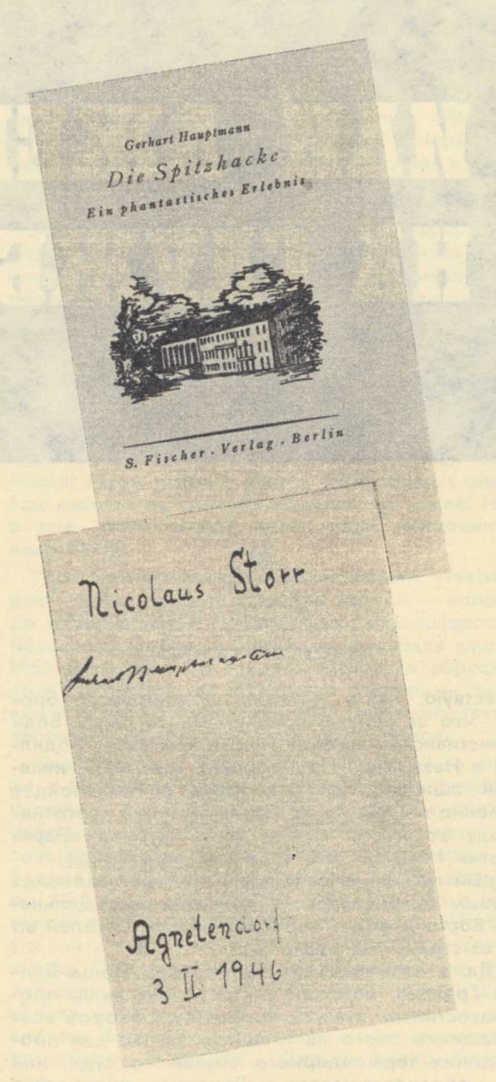
Все волновались. Безразличным был лишь писатель.

— Ну, не будет молока,— говорил он,— ну и что же? Я ведь не совсем еще впал в детство. Кончается уголь? Что за беда?.. При некоторой доле фантазии в Агнетендорфе может быть теплее, чем в Сорренто...

3 февраля 1946 года я еще раз был у Гауптмана. В тот вечер один из генералов штаба группы советских войск отдал приказание завезти в дом Гауптмана топливо и продукты.

Гауптман даже не спросил, почему стало теплее в его угрюмом замке. Он все так же сидел неподвижно в своем кресле, неустанно обозревая огромные полки книг, написанные им. Аккуратно утром и вечером горничная обтирала их бархатной тряпкой.

На память о нашей встрече он написал в тот день дрожащей рукою на титульном листе своей книги «Кирка»: «Николаю Стору. Герхарт Гауптман»

Книга Г. Гауптмана «Кирка» с автографом автора.

Сан Мьюнг Мун, бывший южнокорейский инженер, объявивший себя новым воплощением Иисуса Христа.

Воспитанники «Иисуса из Сеула», живущие в «сообществе» в Сен-Жермен - дю - Монт-д'Ор, поют песнопения во славу «всемирной любви и ненависти к «красным».

Фото из еженедельников «Юманите диманш» и «Пари-матч».

ЧЕРТОВЩ

ИЛИ ЛЖЕПРОРОКИ НА СЛУЖБЕ АНТИКОММ

III

Юрий ЖУКОВ

«ИИСУС ИЗ СЕУЛА»

Я чувствую, что у читателя поднимаются брови: что за чепуха, при чем здесь Сеул? Ведь христианская легенда гласит, что Иисус родился в Назарете... Нет, дорогие товарищи, никакой ошибки тут нет, речь сейчас пойдет именно об Иисусе из Сеула, явление коего народу возвестил французский журнал «Пари-матч» 1 марта 1975 года под заголовком, который гласил: «Новая религия, возглавляемая новым богочеловеком, пришедшим с Дальнего Востока, ведет вербовку последователей во всех странах Запада».

Да, в отличие, скажем, от американца Билли Грэхэма, который считает себя лишь провозвестником Иисуса Христа, суля скорое возвращение оного на грешную землю для проведения термоядерного страшного суда, или от обосновавшегося в Лондоне индийского подростка Махарая Джи, объявленного носителем «божественного света», этот «новый богочеловек» из Сеула по имени Сан Мьюнг Мун сам без лишней скромности назвал себя новым Иисусом Христом. И, представьте себе, преуспел!

Преуспел потому, что ему и тем, кто его наставляет, финансирует и рекламирует, пришла в голову удачная мысль — проповедь Апокалипсиса с его бесконечными угрозами человеку соединить со сладенькими речами о всеобщей любви и братстве и, взболтав этот идеологический коктейль, использовать его как патентованное средство для затуманивания мозгов. А поскольку этот Иисус из Сеула без всяких стеснений, совершенно открыто провозглашает, что главная суть его новой религии — антикоммунизм, у него нашлось особенно много богатых покровителей, и по финансовой части он добился, пожалуй, бо́льших успехов, чем кто-либо другой из его коллег и конкурентов, подвизающихся на этой ниве.

Нынче Сан Мьюнг Мун — мультимиллионер. Его состояние создано трудами покорной паствы, которую он заставляет работать на своих предприятиях по шестнадцать часов в сутки без всякой оплаты. Газеты пишут, что в этого «богочеловека» верят и на него работают миллионы людей в Южной Корее, Соединенных Штатах, Западной Европе.

Уже четыре года Сан Мьюнг Мун живет в Соединенных Штатах, где он, как сообщала 24

Продолжение. Начало см. №№ 12, 13.

января 1976 года парижская газета «Монд», приобрел несколько поместий за 10 миллионов долларов. Его любимая резиденция — Бельведер Эстейт — замок с парком в 20 гектаров, возвышающийся над Гудзоном неподалеку от Нью-Йорка. Там он и обосновался со своей, шестой по счету, женой и семью детьми — ему предоставлена виза на постоянное пребывание в Соединенных Штатах.

Поскольку сей «богочеловек» ведет свои дела в мировом масштабе, он обзавелся персональным реактивным самолетом, сделанным по специальному заказу; газеты именуют этот самолет «летающим дворцом» — такому комфорту, говорят, может позавидовать сам Хефнер, миллионер, сказочно разбогатевший на издании порнографического журнала «Плейбой» и на содержании злачных мест (Хефнер тоже обладает «летающим дворцом»). Для своего отдохновения Сан Мьюнг Мун приобрел несколько яхт и автомобилей.

Впрочем, о бизнесе «Иисуса из Сеула» мы поговорим позднее, а сейчас давайте обратимся к знакомству с той пищей духовной, которой он кормит своих последователей и на которой он разбогател. Вот что рассказывали об этом парижские еженедельники «Пуэн» 24 января 1975 года и «Нувель обсерватер» 26 января 1976 года.

Сей ловкий кореец из Сеула, бывший инженер-электрик, пятидесяти шести лет, который без лишней скромности уверяет верующих, что он «более мудр, чем Соломон, более милосерден, чем Христос», начал приобретать известность во второй половине пятидесятых годов. Именно тогда в газетах было объявлено, что Сан Мьюнг Мун оказался «богочеловеком». Его вдруг начали рекламировать с великим усердием, словно речь шла о новой марке зубной пасты или мыльной пены.

Было объявлено, что еще в 1936 году, когда Мьюнгу было всего шестнадцать лет, ему на склоне холма в Корее явился собственной персоной сам Иисус Христос, который заявил, что отныне он, Мьюнг, является новым его, Иисуса, воплощением и что ему поручается «создать небесное царство на земле». Ни более, ни менее! Восемнадцать лет Мьюнг якобы размышлял, как бы подступиться к выполнению этого поручения. За эти годы он попытался без особого успеха сделать инженерную карьеру, потом предпринял еще более неудачную попытку сделать карьеру военную — вместе с американцами участвовал в войне против Корейской Народно-Демократической Республики, попал в плен, пробыл три года в лагере, вернулся домой и тут окончательно решил, что пора воспользоваться наказом Иисуса Христа.

Как бы случайно рядом оказался более удачливый по части военной карьеры полковник Пак Бо Хи, игравший важную роль в южнокорейской разведке и связанный напрямую с американским ЦРУ. Он популярно разъяснил Мьюнгу, что его ждет головокружительная карьера, если он не будет валять дурака и без колебаний объявит себя «богочеловеком», миссией которого является борьба с коммунизмом. Долго уговаривать Мьюнга не пришлось, и дальше все пошло, как по маслу.

Быстренько было сочинено новое евангелие с той разницей, что оно было издано не от имени апостолов, а от имени самого Иисуса Христа в образе Мьюнга, который теперь добавил к своему имени английские слова «Sun», что значит «солнце», и «Moon», что значит «луна», и стал называться Сан Мьюнг Мун.

Это новое евангелие было выпущено в свет под названием «Божественные принципы», и в нем с популярностью, присущей американским рекламным изданиям, было дано объяснение всему на свете, включая причины грехопадения Адама и Евы и неудачи Иисуса Христа во время его первого появления на земле в образе человека. Ева, видите ли, допустила ошибку, вступив в связь с Сатаной, а Иисус Христос не справился со своей задачей. Поэтому теперь он возвращается на землю в лице Сан Мьюнг Муна, чтобы с учетом допущенных ошибок навести на сей раз порядок на земле. Ну, а для этого, ясное дело, надо искоренить коммунизм...

Ради достижения столь важной цели, утверждает Мьюнг, любые средства хороши — вплоть до использования ядерного оружия. «Царство божие могло бы существовать на земле уже с 1951 года, если бы генерал Макартур сбросил атомные бомбы на Северную Корею»,— заявил новый «богочеловек», как свидетельствует парижский журнал «Нувель обсерватер».

Конечно, Сан Мьюнг Мун говорит и о мире,— без этого обойтись нельзя, если хочешь увлечь за собой паству. «Мы помогаем нашим ученикам осуществить свои духовные чаяния,— заявлял он в своих интервью журналистам.— Грядет новый мир, новая форма жизни в любви. Мы здесь для счастья народов». Но в его голосе тут же начинает звучать металл: «Чтобы укрепить мир, нужна армия. Надо быть сильными». При этом новый «богочеловек» не делал секрета из того, что он имеет в виду для начала помочь южнокорейскому режиму завоевать Корейскую Народно-Демократическую Республику, а дальше... Дальше видно будет.

Планы Мьюнга излагались с такой откровенностью, что даже газета «Фигаро», которая в своей ненависти к коммунизму отнюдь не уступает Мьюнгу, 27 января 1976 года отметила, что, хотя он говорит о всеобщей любви и мире, у него «в голове другие идеи, нежели забота о великом братстве людей. И прежде всего стремление захватить власть и создать бригады добровольцев, готовых сражаться под его знаменем. Ведь это сам Сан Мьюнг Мун сказал: «У меня три миллиона молодых людей, готовых отдать свою жизнь за Корею». Это далеко от тех принципов ненасилия, которые проповедуют его вербовщики, ищущие воспитанников.

И еще одна характерная черта, объясняющая, почему явление народу «Иисуса из Сеула» нашло столь могучие источники финансирования. Как писал парижский еженедельник «Пуэн» 24 марта 1975 года, новый мессия с самого начала сделал ставку на Соединенные Штаты Америки (кстати, его главный политический советник полковник Пак Бо Хи в прошлом работал помощником военного атташе южнокорейского посольства в Вашингтоне).

«БОГ ИЗБРАЛ АМЕРИКУ»

«Как провозглашает новый южнокорейский мессия,— писал «Пуэн»,— «бог избрал Америку». Из-за ее «валюты», из-за ее «изобилия автомобилей», но в особенности, «чтобы поднять весь мир против коммунистического атеизма».

И сам Сан Мьюнг Мун в интервью нью-йоркской газете «Дейли ньюс», ставя все точки над i, заявил: **«Надо бороться с коммунизмом, потому что коммунизм — это сатана.** Америка на стороне бога. Если же в Америке будет развиваться коррупция, я назначу в должный момент мунистов (то есть последователей его, Муна, идей.— **Ю. Ж.**) в палату представителей и в сенат, потому что мое царство должно быть создано в 1981 году».

Вот какие амбиции у этого «богочеловека»!

Давайте теперь поглядим, как он с благословения полковника Пак Бо Хи приступил к осуществлению этих, скажем откровенно, бредовых замыслов. Опираясь на неограниченное анонимное финансирование, источники которого тщательно скрывались (а ведь миллионы долларов, в которые обходилось осуществление его затей, с неба не падали!), Сан Мьюнг Мун вначале создал свое «предмостное укрепление» в Южной Корее. Затем его «апостолы» разлетелись во все концы света проповедовать «божественные принципы» нового мессии.

Во второй половине шестидесятых годов было объявлено о том, что новый «богочеловек» создал «Ассоциацию за объединение мирового христианства». В 1974 году она была переименована в «Церковь объединения». К этому времени опорные пункты новой религии были созданы уже в 50 странах. Вербовка почитателей нового мессии осуществлялась с большим размахом и целеустремленностью. При этом отборные отряды вербовщиков бросались прежде всего туда, где, по мнению «мозгового треста» новой «церкви», возникала наибольшая угроза распространения коммунистических идей. Характерно, что одним из главных объектов этой вербовки явилась Франция,— туда вербовщики Мьюнга устремились сразу же после памятных майских событий 1968 года. Правда, больших успехов они там не добились: их ждали во Франции одни неприятности. Об этом я расскажу подробнее ниже.

Более теплый прием был оказан вербовщикам Мьюнга и ему самому в Соединенных Штатах. Свой первый визит за океан новый «богочеловек» совершил в 1972 году. По сему поводу в его честь была организована шумная пропагандистская кампания. В 1973 году Мьюнг снова вернулся в США. По сему поводу там был проведен в общенациональном масштабе «день надежды» — новая, еще более шумная кампания в пользу придуманной им религии. Наконец, в 1974 году состоялась третья, весьма длительная серия его гастролей в Америке.

1 февраля 1974 года новый мессия был официально принят в Белом доме. Как писали газеты, он «обнял президента Никсона, посвятил несколько минут молитве — на корейском языке,— которую президент внимательно выслушал, и затем сказал, обращаясь к нему:

ВОСПОМИНАНИЕ О ТИШИНЕ...

Н. ХРАБРОВА

Фото В. САЛЬМРЕ

Стою на крыше девятиэтажного корпуса санатория «Нарва-Йыэсуу» и впервые в жизни смотрю на давно знакомые места именно с такой высоты: этот долговязый дом появился здесь всего год назад.

Тишина. Солнечная, хвойная, снежная. Белым-белы на улицах последние снега, голубовато-бел весенний лед на реке, а на заливе он с прозеленью, в торосах. Здесь, на уровне крыши, встречаются оба света — верхний, солнечный, и нижний, снежный. Пригревает. Искрится на солнце первая тоненькая капель.

Есть у эстонцев пословица: «У хорошего дитяти много имен». Так и с этим курортным городком. Здесь устье Наровы-реки, крайне несдержанной на водопадах и порогах и безмерно кроткой в лугах и низинах. Давным-давно возник в устье рыбачий поселок и небольшая торговая гавань. Во время Северной войны тут оказался Петр I, да так неудачно, что и поесть было негде, в результате чего он сказал своим спутникам сердито и по-немецки: «Хунгербург!» Что значит «голодный город». Говорят, будто от этого и пошло одно из его названий — Гунгербург. Однако оно никого не отпугивало, а, напротив, соблазнительно звучало перед дачным сезоном в салонах Петербурга, Гельсингфорса, Стокгольма. Потом деревянный, в кружевной резьбе городок назывался то Усть-Наровой, то Усть-Нарвой, то Нарва-Йыэсуу. Местным простолюдинам сюда, естественно, ходу не было, разве что в качестве обслуги.

Теперь Усть-Нарова другая, новая — и по форме и по содержанию. И то и другое мне нравится.

Дом, на крышу которого я вознеслась на лифте,— новый корпус санатория эстонского межколхозного санатория «Нарва-Йыэсуу». Внизу — еще его корпуса. В аллеях среди сосен гуляют отдыхающие, на снежной белизне особенно ярки спортивные куртки и пестрые, традиционной эстонской крестьянской вязки свитера. Спущусь сейчас в солнечно-снежные аллеи, поговорю с людьми об их отдыхе и об их работе. О нынешней весне.

Вот что сказал мне Аугуст Кыва, председатель колхоза «Кыпу» Вильяндиского района:

— Здорово придумали пятнадцать лет назад руководители передовых хозяйств — на паях создать этот санаторий. Правда, сначала он был домом отдыха, и колхозники сюда не очень-то стремились. Теперь у нас 276 членов-пайщиков. Каждый получает определенное количество путевок, а хочешь больше — вноси второй или даже третий пай. Лечение — как раз для нас, мы ведь все на улице да на ветру, вот и болеем чаще всего ревматизмом да радикулитом. Медики накидываются на наши болезни со страшной силой — тут и лечебная грязь, и ванны, и разные формы массажа, физиотерапия. И что еще важно — зубы здесь и лечат и вставляют. Путевки уже осенью рассылаются по хозяйствам, это тоже очень удобно, заранее распределяем, что кому. И, знаете, не только лечиться тут хорошо, но и отдыхать. Воздух морской, хвойный — не надышимся. Красота, покой, тишина... Тишина-то из деревни теперь тоже ушла, каких только машин у нас нет, а машины — они ведь шумные.

Аугуст Кыва рассказал о том, что здесь отдыхают люди разных поколений. Многие из них помнят утреннюю легкость серпа и косы и вечернюю их тяжесть. Люди средних лет пережили время перелома, победы над собой и над трудной землей. А молодежь уже вполне уверена в себе, настойчива в своих намерениях — надо больше механизмов, удобрений, новостроек, и тогда не будет такой высоты в сельском хозяйстве, которую им не взять.

— Наши молодые в город не рвутся. Колхоз посылает их в институт, стипендии платит, а по окончании они возвращаются хорошими специалистами. Это, по-моему, важный рычаг в подъеме нашего сельского хо-

---

«Держитесь хорошо и защищайте свои убеждения». В дальнейшем Мьюнг выступил с проповедями в 32 американских городах, в том числе в Нью-Йорке (сентябрь), Вашингтоне (октябрь), Чикаго (ноябрь). На этот раз рекламным лозунгом его турне было: «Новое будущее для христианства».

Комментируя американские гастроли нового «богочеловека», парижская газета «Монд» писала: «Поражает огромный размах рекламной кампании вокруг выступлений Муна... Чтобы наполнить зал Мэдисон-сквер гарден в Нью-Йорке, например, г-н Мун не поколебался закупить целые страницы газеты «Нью-Йорк таймс» и других крупных ежедневных газет, расклеить по городу сотни тысяч афиш и листовок, отпечатанных на меловой бумаге с цветной фотографией «учителя»,— на это было израсходовано 350 тысяч долларов».

«Монд» добавила, что еще большие деньги были израсходованы на создание «материальной базы» новой религии в Соединенных Штатах. «Церковь объединения», созданная Мьюнгом, за три года потратила более 10 миллионов долларов на приобретение земельных участков и зданий в одном только штате Нью-Йорк. В 1974 году она купила за полтора миллиона монастырь, принадлежавший «христианским братьям»,— он был превращен в духовную семинарию для подготовки кадров проповедников «божественных принципов» нового мессии. В мае 1975 года Мьюнг приобрел в Нью-Йорке здание клуба Колумбийского университета, заплатив за него 1 миллион 200 тысяч долларов,— в этом здании была размещена штаб-квартира «Церкви объединения».

Руководство американским филиалом своей «церкви» Иисус из Сеула поручил тридцатилетнему выпускнику университета Карнеги некоему Салонену. Этот «президент американской ветви» «Церкви объединения», нимало не смущаясь, заявил корреспондентам, спрашивавшим его, откуда у мессии берутся такие бешеные деньги: «Из благотворительных взносов верующих и от торговли цветами, сувенирами и женьшенем, доставляемым из Южной Кореи». Это объяснение не удовлетворило скептически настроенных журналистов, и газеты написали: «В действительности секта имеет и другие источники доходов».

Какие? Об этом пресса умалчивает, но об источниках нетрудно догадаться, если вспомнить, что новый «богочеловек» не только пользуется активной поддержкой южнокорейского диктаторского режима, но и напрямую связан через полковника Пак Бо Хи с ЦРУ, чего газеты не скрывают. Газета «Монд» в этой связи писала 24 января 1976 года:

«Полковник Пак Бо Хи сопровождает преподобного Муна во всех его поездках по Соединенным Штатам. Официально он ему служит переводчиком. На своих митингах Мьюнг говорит по-корейски, а полковник Пак переводит его выступления на английский язык. В остальном, что касается «Церкви объединения», полковник Пак не несет никаких обязанностей. Зато он является президентом «Фонда содействия свободе и культуре Кореи», штаб-квартира которого находится в Вашингтоне. Этот фонд, в частности, финансировал «Радио свободной Азии» во время войны во Вьетнаме и различные программы борьбы с коммунизмом.

Попутно газета сочла нужным напомнить, что таинственный полковник, вдруг решивший убивать свое время на перевод проповедей Сан Мьюнг Муна с корейского языка на английский, четырнадцать лет прослужил в южнокорейской армии, а теперь «служит связующим звеном между преподобным Муном и президентом Южной Кореи. Один в Сеуле борется против коммунистов Севера; другой борется вне Кореи, стремясь пробудить уснувший (!) Запад».

Председатель колхоза Аугуст Кыва.

Шофер Хильда Луккен прибыла на отдых.

Один из корпусов «Нарва-Йыэсуу».

зяйства,— неспешно рассказывает Кыва.

Я пытаюсь увести разговор от дел производственных, полагая, что дом отдыха не лучшее место для таких разговоров. Интересуюсь, как развлекаются тут люди, чем заполнены вечера. Аугуст Кыва отвечает, что очень доволен домом отдыха, но тут же выходит на прежнюю орбиту:

— Мы в Вильяндиском районе такое затеяли! С первого января, с первого дня пятилетки, стали работать по-новому. И между прочим именно наш колхоз «Кыпу» первым вступил в регион «Вильянди». Что это значит? А то, что все как производящие, так и перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию предприятия будут работать сообща, объединившись в один регион. Кооперативные и государственные деньги — в общую кассу! Строить будем широко, прочно, не мельчить. Если региону нужен, например, молокоперерабатывающий комбинат, так пусть будет один крупный, а не десяток мелких, полукустарных ферм. В подтверждение полезности крупных хозяйств и работы сообща можно привести много поговорок из сокровищниц народной мудрости и массу исторических аналогий. Но не будем ходить за примерами далеко. Возьмем хотя бы этот наш санаторий. Не был бы он таким богатым, с такой перспективой дальнейшего роста, если бы не строился многими хозяйствами на паях.

Вот так и с регионами,— продолжает председатель,— деньги вносятся по доходам, а как их разумно расходовать по хозяйствам, решает объединение. Понимаете? Это возможность разумного финансирования, наиболее эффективного использования техники. А именно этого требует XXV съезд партии. Наш колхоз, войдя в регион, в десятой пятилетке получит возможность строить больше, чем когда-либо. Мы построим животноводческий комплекс, новые дома в центральном поселке, детские ясли и сад, школу, поликлинику, торговый центр, бассейн... Весь наш Вильяндиский район сейчас по поводу регионов, как улей, шумит. Весну ждем с нетерпением. А пока, на двадцать четыре дня, до начала сева,— тишина, отдых...

...Отдых! Наслаждается тут им и та молодая женщина, что шагает по взъерошенному штормом берегу, — ее зовут Мариэтта Выйтра, ей двадцать шесть лет, из них десять она дояркой в колхозе «Калев», Пыльваского района; и Эне Когер из колхоза «Выртс», депутат поселкового Совета; и главный агроном совхоза «Вао» Энн Нугис...

Как воды подо льдом, живут под санаторной тишиной дела и думы этих людей. Сильные они, мужественные, сумели же свою каменную, тощую землю сделать на зависть плодородной.

Еще несколько дней — и прольются ручьями снега, вестники большого хлеба. Выйдут в весенний поход люди, и о тишине в «Нарва-Йыэсуу» останется только доброе воспоминание.

ПОЧЕТНЫЙ ДОЛГ

А. П. Козлов. Тревожная служба. М., Воениздат, 1975, 264 стр.

В серии «Военные мемуары» вторым изданием вышли воспоминания генерал-лейтенанта Андрея Петровича Козлова «Тревожная служба».

Книга начинается с описания нелегкой, полной опасностей службы на островной пограничной заставе южнее Выборга. Во время Великой Отечественной войны автор был участником боев на Карельском перешейке, охранял со своим соединением легендарную Дорогу жизни к блокадному Ленинграду.

Особенно ярко рассказывает А. П. Козлов о борьбе с буржуазными националистами. Под его руководством планировались многие операции по захвату или разгрому банд, особенно ответственные А. П. Козлов возглавлял сам. На страницах мемуаров он показал мужество и отвагу воинов-чекистов, их умение вести борьбу с врагами в трудной обстановке, в условиях «фронта без линии фронта».

За годы службы в пограничных и внутренних войсках генерал-лейтенант Козлов встречался с прекрасными людьми. Тепло рассказывает он об Андрее Александровиче Жданове, Клименте Ефремовиче Ворошилове, Леониде Александровиче Говорове, Павле Артемьевиче Артемьеве, Иосифе Васильевиче Шикине, писателе Всеволоде Анисимовиче Кочетове...

Большую симпатию вызывают образы бойцов, командиров и политработников. Они запоминаются чистотой своих помыслов, беззаветной преданностью Родине, Коммунистической партии, своею верностью воинскому долгу, мужеством и отвагой.

А. П. Козлов завершает книгу рассказом о встрече с Маршалом Советского Союза Семеном Михайловичем Буденным, когда по случаю 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции прославленному полководцу, почетному солдату одного из полков дивизии имени Ф. Э. Дзержинского были вручены приветственный адрес и билет почетного комсомольца.

«Те, кто приходит в жизнь теперь,— пишет автор в обращении к читателю,— должны знать прошлое Советской Родины, чтобы и пути выбирать с толком, и славу прошлых лет помнить. Берясь за перо, я хотел, чтобы молодые люди — военные и невоенные, прочитав книгу, «потрогали» это прошлое, во весь богатырский рост увидели отцов и старших братьев, не вернувшихся с войны, вспомнили еще раз всех — знаменитых и неизвестных, павших на поле брани, и взяли себе в пример их светлые жизни».

Ал. ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ

ТРАССА МУЖЕСТВА

Читатели хорошо знают небольшие книжки серии «Бригантина» с романтическим силуэтом парусника на обложке. О путешествиях в неизведанное, о романтике дальних дорог, о людях — творцах и первопроходцах — рассказывается в них.

В этой серии вышла и книга Сергея Богатко, посвященная новой странице в истории освоения Сибири — созданию второго рельсового пути к Тихому океану, «северного варианта» Транссиба.

Тема книги волнует в наши дни миллионы людей и жизненно касается десятков тысяч — ведь строительство Байкало-Амурской магистрали сейчас едва ли не основная стройка страны. Ее автор, специальный корреспондент газеты «Правда», участвовал в исследованиях северных районов Приамурья и Забайкалья, был инженером-гидрологом, начальником изыскательского отряда, живал в тайге, любит, знает этот край досконально и говорит о БАМе, как о своем кровном деле.

Герои одиннадцати очерков, объединенных названием «Второй путь к океану»,— летчики, шоферы, изыскатели. Для них Сибирь не временный объект, а земля, родина, судьба, определяющая жизнь и нравственность этих людей.

Короткое слово «БАМ» родилось не сегодня. «Решительному наступлению, начавшемуся почти одновременно на всей громадной территории от Лены до Амура, предшествовала кропотливая работа тысяч разведчиков-первопроходцев: геодезистов и геологов, строителей и энергетиков, механиков и пилотов, таежных следопытов, инженеров путей сообщения...» Они, шедшие впереди, особенно дороги автору. И летчик Алексей Халезов, и геолог Митрофан Иннокентьевич Тулохонов, и начальник экспедиции Георгий Зудин, и техник Саша Мартыненко, и испытатель автомобиля «Урал», предназначенного специально для Севера, Владимир Малахов предстают в книге подлинными рачительными хозяевами природы, бесконечно преданными делу, которому они служат.

Очень привлекательна фигура изыскателя Александра Алексеевича Побожия — человека недюжинных сил и способностей, предвестника грандиозных перемен сибирского края. От берегов Тихого океана до Балтики, от пустынь Монголии до вечных льдов полярного Урала, почти всюду, где строили железные дороги, знают и помнят старого изыскателя. Он один из первых с бесхитростным снаряжением прошел всю таежную трассу БАМа, измерил углы крутизны гор, нанес изгибы рек, проставил плотность пород, на которые лягут стальные рельсы. Ответственность его огромна: из тысяч возможных вариантов он должен выбрать только один, самый лучший. Лучший — значит самый короткий, самый дешевый, самый удобный.

О людях, которые живут в Сибири, которые ее осваивают, которые подготовили гигантскую всенародную стройку, об их трудном счастье, об их работе и жизни интересную книгу написал Сергей Богатко.

А. БАСМАНОВ

Сергей Богатко. Второй путь к океану. М., «Молодая гвардия», 1975, 176 стр.

В ОДНОМ МИКРОРАЙОНЕ...

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Андрей Коробов — Н. Подгорный и Ира Агашина — И. Акулова.

Фото Б. Вдовенко

Ира Агашина (И. Акулова) — героиня многосерийного телеспектакля «В одном микрорайоне» (сценарий Михаила Анчарова, режиссер-постановщик Вс. Шиловский, ведущий оператор Б. Кипарисов) — работает на конфетной фабрике. Но друзья и соседи зовут ее «шоколадницей»: уж очень напоминает она симпатичную девушку в белом чепчике с картины Лиотара.

Постепенно заселяется новый дом. Лифт, конечно, уже успел сломаться. Вверх-вниз бегает Ира по лестницам; хоть и устала, но улыбка не покидает милого ее лица. Она помогает разносить почту и газеты, мчится в аптеку за лекарством, в магазин за продуктами, прибирает в квартире у больного соседа... Жаль, если в вашем доме не живет такая девушка, как Ира; впрочем, возможно, вы и отмахнулись бы от ее услуг, полагая, что любопытствующий Ирин носик суется порой не туда, куда следует?.. Андрей Александрович Коробов, Ирин сосед, поначалу хотел было поступить именно так...

Ира знакомит зрителей с обитателями нового дома: добродушным, немногословным великаном Васей Мосоловым (Р. Филиппов), который работает на мясокомбинате, и послушной его женой Катей (Н. Корункова), с Валерой (Н. Караченцов), мастером на все руки и порядочным шалопаем, с философом и первоклассным парикмахером Григорием (Л. Любецкий), замкнутым человеком Николаевым (В. Сергачев) и с его застенчивой дочерью Инной (А. Сергачева), с другом Коробова Никитой (Л. Броневой).

А еще в числе ее знакомых оказывается народный артист Берзинь, руководитель самодеятельности в домоуправлении. Эту роль играет известный танцовщик Марис Лиепа.

Каждый из этих персонажей имеет свой характер, свои достоинства и недостатки. Они самые обыкновенные люди, как вы и я, как все мы... И ничто человеческое этим людям не чуждо. Вокруг двух семей — Шурыгиных и Коробовых — развивается действие занимательного телеспектакля.

Вот Люся (А. Сидоркина) и Митя (Н. Пеньков) Шурыгины. Все, казалось бы, у них идет гладко. Оба молоды, есть у них интересная работа, новая квартира, очаровательная дочка. Люся заканчивает институт. Все домашние дела и заботы ложатся на плечи мужа. Мите хоть и трудно, но он не жалуется. Наоборот, — горд и счастлив. Защита Люсиного диплома для него — большое событие, которое он готовится отметить, как великий праздник. Но в какой-то момент Люся стала небрежно и даже свысока относиться к любящему мужу: Митя хоть и первоклассный, но шофер!

Не думая и не со зла обидела Люся мужа. Обидела и даже не заметила этого. Еще немного — и разошлись бы они. К счастью, этого не случилось: вмешались друзья. Шурыгины помирились, все у них образовалось, встало на свои места...

По-иному получилось у Коробовых. От Андрея ушла жена Надя (Т. Лаврова), прожив с ним много счастливых лет. Ушла к его другу и сослуживцу Геннадию Максимовичу Борисову. Фильм и начинается с того, что мы застаем Андрея Александровича Коробова (Н. Подгорный), руководителя научно-исследовательского института, крупного ученого (он член-корреспондент Академии наук), одного в новой, большой квартире. Повсюду разбросаны чемоданы, костюмы, книги... Человек остался один накануне окончания своей работы — дела всей его жизни.

Андрей Коробов — Подгорный внешне сдержан, угловат даже. Артист скуп на жесты, на интонации. Он создает характер человека недюжинного, страстного и вместе с тем ироничного. С таким трудно. Трудно, но интересно — у него все по самому большому счету.

О том, что произошло в семье Коробовых, мы узнаем из разговоров соседей, сослуживцев, друзей... Почему так случилось, можно только догадываться. Прямо «в лоб» об этом никто не говорит: «Там правы все, где виноватых нет»... Как всегда, правы и виноваты двое. А третий воспользовался случаем...

Образ Геннадия Максимовича Борисова (А. Ромашин) решен очень своеобразно: он не подлец, этот мягкий человек и ласковый сын, обаятельный профессор, обожаемый своими студентами, он влюблен в Надежду — недаром так терпеливо сносит все капризы ее своенравной дочери... Но именно черная зависть к Коробову привела его к нарушению неписаного кодекса чести и даже к прямой подлости.

Измена жены едва не сокрушила Андрея Александровича Коробова. Раздавлен и обессилен Андрей. Никого не хочет видеть, ничего не хочет делать... И в эту самую тяжелую минуту входит в разгромленную квартиру маленькая «шоколадница». Она все поняла и не оставила человека одного. Маленькие ручки быстро навели порядок, кругом посветлело...

В спектакле никто никого не поучает. Мы не знаем, как развернутся события дальше: вернется ли Надя к мужу или он ответит на чувство беззаветно любящей его Маши (И. Мирошниченко). Важно другое: Коробов вернулся к людям, прошло его ожесточение. И все не без участия маленькой «шоколадницы» Иры... Словно теплым весенним ветром повеяло на нас с голубого экрана.

Досадно, что иногда представление явно затягивается; есть повторяющиеся эпизоды, некоторая рыхловатость. На мой взгляд, можно было бы сделать покороче сцены в парикмахерской, в больнице.

И все же «В одном микрорайоне» — добрый, человечный спектакль, призывающий людей быть внимательными друг к другу, заботливыми и любящими.

Т. ТРОИЦКАЯ

А. Никич. Род. 1918. ВЕСНА В МОСКВЕ.

В. Ерофеев. Род. 1937. НА ПРАЗДНИК.

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

ПОДВИГ АЛЬПИНИСТКИ

Враг рвался к Ленинграду. Блестящие шпили старинных зданий города могли служить ориентирами для вражеской авиации и артиллерии. Ленинградские альпинисты Михаил Бобров, Алоиз Земба, Ольга Фирсова и Алла Пригожина были приглашены в штаб Ленинградского фронта. Их попросили замаскировать шпили.

Они многократно штурмовали горные вершины Кавказа, но ведь альпинист не верхолаз. Все четверо понимали, что их ждет трудная и опасная работа.

Прежде чем приступить к маскировке шпиля Адмиралтейства, нужно было у фрегата, венчающего шпиль, укрепить блок и перекинуть через него канат. Две недели лейтенант В. Г. Судаков пытался на небольшом воздушном шаре подняться к фрегату. Мешали сильные порывы ветра. Наконец это было сделано, и альпинисты смогли приняться за работу. Земба и Бобров маскировали кораблик, корону и яблоко. Им помогали Фирсова и Пригожина. Работа, требующая большого мужества и самообладания, была выполнена. Потом чехол скрыл под собой блестящую Адмиралтейскую иглу.

По заданию штаба Ленинградского фронта альпинисты замаскировали также шпили Инженерного замка, собора Петропавловской крепости.

Тяготы блокады не пощадили и альпинистов. От голода и болезни умерли Алоиз Земба и Алла Пригожина.

Ольга Фирсова продолжала самоотверженно трудиться.

Все годы войны, несмотря на обстрелы и бомбежки, она регулярно поднималась на шпиль Адмиралтейства. Дождь, снег, ветер, осколки снарядов и бомб разрывали чехол, покрывавший шпиль. Чехол ветшал, приходилось чинить его, сидя на тонкой доске на большой высоте.

Наконец наступил долгожданный день — Фирсовой поручили снять маскировку. Это тоже было непросто. В конце апреля 1945 года Ольга ножом вспорола брезент, и кораблик вновь засверкал ярким блеском. А затем пополз вниз брезент, укрывавший шпиль. В трудной и опасной работе Фирсовой помогали две альпинистки — художник Татьяна Визель и методистка лечебной физкультуры Наталья Раутиан.

Сейчас О. А. Фирсова живет и работает в Ленинграде. Она окончила консерваторию. За плодотворную педагогическую деятельность награждена орденом «Знак Почета».

С. МАГЕРОВСКИЙ

Ленинград.

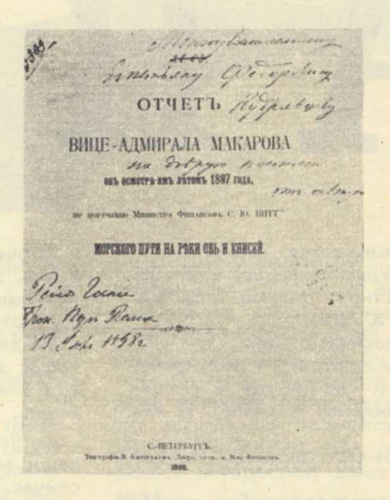

О. А. Фирсова перед подъемом.

Ольга Фирсова на пути к кораблику. Фото автора.

ПОДАРОК АДМИРАЛА

ОТЧЕТЪ
ВИЦЕ-АДМИРАЛА МАКАРОВА
объ осмотрѣ имъ лѣтомъ 1897 года,
по порученію Министра Финансовъ С. Ю. Витте
морского пути на рѣки Обь и Енисей.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

В библиотеке Красноярского краевого музея хранится книга адмирала Макарова «Отчет об осмотре летом 1897 года морского пути на реки Обь и Енисей». На титульном листе рукой адмирала написано: «Многоуважаемому Емельяну Федоровичу Кудрявцеву на добрую память от автора». И ниже: «Рейд Ганге. Броненосец «Петр Великий», 13 июня 1898 года».

На первый взгляд это обычная, ничем не примечательная дарственная надпись. Но возникает вопрос: какая связь между автором книги, выдающимся русским флотоводцем, крупнейшим ученым, и Е. Ф. Кудрявцевым? Да и кто он?

Этим человеком оказался преподаватель образцовой школы при Красноярской учительской семинарии. Увлеченный печатным делом, он в 1888 году открывает вторую в городе типографию и всю свою жизнь посвящает работе в ней. Кудрявцев начал издавать «Енисейский справочный листок», который позднее стал называться альманахом «Енисей», а затем «Сибирский край».

По словам современников, Емельян Федорович был большим любителем литературы, интересовался историческими исследованиями Сибири, особенно развитием судоходства на Енисее. Поэтому не случайно, оказавшись в Красноярске, адмирал Макаров познакомился с этим образованным и интересным человеком.

Адмирал Макаров был горячим пропагандистом идеи освоения Северного морского пути. При поддержке крупнейших ученых П. П. Семенова-Тян-Шанского и Д. И. Менделеева адмиралу удалось заинтересовать этой идеей всесильного тогда министра финансов С. Витте. Однако последний поставил условие: Макаров должен сам побывать в Карском море и ознакомиться с состоянием морского пути.

Летом 1897 года С. О. Макаров на пароходе «Иоанн Кронштадтский» отправился к устью Енисея. В конце августа он благополучно, не встретив льдов, прибыл в Дудинку, а девятого сентября — в Красноярск. Здесь он и встретился с Е. Ф. Кудрявцевым. Спустя два дня адмирал продолжил путешествие в Томск, Тобольск, Тюмень.

Вот об этой поездке им и был написан отчет, подаренный красноярскому другу.

В. СЛОБОДЧИКОВ-ВИТИМСКИЙ

Красноярск.

ГЕРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Во многих селах бывшего Кременчугского уезда и поныне вспоминают, как боролся с врагами революции легендарный красный партизан, начальник манжелеевской милиции коммунист Иван Верховский, как защищал и укреплял он молодую Советскую власть на Украине.

Есть в селе Манжелея на Полтавщине Церковная гора. Бой на той горе был адским. Длился он четыре часа. Но горсточке красных бойцов, окопавшихся на самой вершине горы, показался вечностью. Их было двенадцать, а бандитов — пятьсот. Отступили лишь тогда, когда израсходовали все патроны. Оставшимися гранатами пробили себе путь к лесной чаще и далее к реке Псел.

Командовал храбрым отрядом красных чекист Иван Афанасьевич Верховский.

Это было в июле 1920 года. А вскоре Ивану Афанасьевичу поручили ликвидировать главаря банды Грицька Скирду, провозгласившего себя «атаманом повстанцев Левобережной Украины». Уж очень хитер был этот матерый бандит, выученик Махно.

Чтобы проникнуть в его логово, Верховскому и его ординарцу Карпу Лысенко пришлось проявить много храбрости и выдержки. Верховский лично уничтожил «атамана повстанцев». Вскоре многие участники банды Скирды пришли с повинной и сдали в руки правосудия тех, кто втянул их в эту авантюру, сделав пособниками контрреволюционных главарей.

Через месяц Ивану Афанасьевичу вручили памятный подарок — золотые наручные часы с надписью, выгравированной на крышке: «Верному чекисту Ивану Верховскому от Феликса Дзержинского».

...В 1923 году Ивана Афанасьевича направили в губпартшколу. По окончании учебы его избирают председателем Козельщинского райисполкома. Затем он студент сельскохозяйственного техникума, института, аспирант, сотрудник научно-исследовательского института.

С первых дней Великой Отечественной войны И. А. Верховский добровольно ушел на фронт и до победного салюта громил фашистскую нечисть, вероломно напавшую на родную советскую землю. После окончания войны долгие годы работал агрономом в колхозах Новосанжарского района на Полтавщине.

Несмотря на свои 80 лет, Иван Афанасьевич Верховский и поныне в строю. Ветеран партии, герой гражданской войны принимает активное участие в работе районного комитета народного контроля, уделяет большое внимание коммунистическому воспитанию молодежи.

А. ТРОИЦКИЙ,
член КПСС с 1926 года,
комсомолец двадцатых годов

И. А. Верховский в годы гражданской войны.

Лариса ЛАТЫНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА

КОМАНДА

* * *

...В кинотеатре Дортмунда мне вспомнился другой кинотеатр, на улице Суворова в Херсоне. В третий раз я смотрю «Балерину» (рекорд — «Подвиг разведчика» — четыре раза)... Не есть масла? Совсем нетрудно. Сливочного масла у нас дома нет. Но все-таки, наверное, секрет не в этом. Может быть, признаться самой себе: мне никогда не танцевать так, как Ольга Лепешинская или героиня этого фильма. Никогда... Тогда где же она лежит, моя дорога, если не ведет на сцену? Что же тогда? Хорошо бы, обогнав тех, кто учится в «мореходке», отправиться в далекие путешествия. Надышаться на всю жизнь соленым, крепким воздухом.

Я думаю об этом, наверное, потому, что за столиком неподалеку от окна сидит высокий моряк. Темноволосая женщина рядом с ним. Я не могу присесть к столику: три билета в кино исчерпали месячный лимит. Маме и так трудно...

Моряк рассеянно поглядел по сторонам и улыбнулся мне.

— Дядя,— сказала я,— пощупайте столик внизу... Это когда стреляли.

Он отнесся к моим словам вполне серьезно, наклонил столик, внимательно осмотрел щербины и подтвердил:

— Точно. Стол заслуживает уважения. А ты была тогда в городе, девочка?

— Немножко была...

— Немножко была,— повторил он.— Ну садись, выпьешь с нами ситро.

Я покачала головой и отошла.

... «Ты смелая девочка, и еще, оказывается, ты бесстрашно прыгаешь, и плаваешь дальше всех, и бегаешь быстрее всех мальчишек. Приходи же ко мне на корабль. И отправимся. Сначала к Кинбурнской косе, а затем пойдем далекими морями...» Вместо этого ситро! Может быть, он и не капитан, а интендант какой-нибудь?

...И все же вскоре после того дня я вступила на палубу нового большого корабля. С первого взгляда это был обыкновенный дощатый пол обыкновенного школьного спортивного зала. Человек, который открыл для меня двери в этот зал, не носил морской формы. И вообще он никакой формы не носил. И звали его совсем не романтически: Михаил Афанасьевич.

И только через много лет я поняла, что школьный учитель все же важнее самого важного капитана. И даже адмирала. Он-то и отправил меня в дальние плавания и полеты. Научил... Гимнастике.

Наши тренировки длились уже года два с половиной. Мне приходилось по утрам бегать в городской зал, в бывшую церковь. В шесть утра, честное слово, трудно тренироваться на кольцах. И однажды, сорвавшись в очередной раз, я громко спросила Михаила Афанасьевича:

— Кому это нужно?

— Кому это нужно?— переспросил он. И присел рядом со мною, поглядев на серые стены в старых подтеках.

— Это очень интересный вопрос, любопытная девочка Лариса Дирий, из седьмого класса... Все дело в том, что сейчас это мне нужно и немножко тебе. А затем еще кому-нибудь станет нужно... И может быть, мы с тобой будем трудиться так, чтобы это многим стало нужно. Вот это главное...

Мой шарик мороженого основательно подтаял. Рядом Борисов смотрел на свою вазочку с нескрываемой тоской («Ничего,— подумала я. — ...Послужите-ка и вы положительным примером для молодежи».) За столиком рядом на зависть Борисову пили пиво и спорили, кажется, о футболе. Я узнавала названия клубов: «Боруссия», «Бавария». Но спорили умеренно. Я подумала, что, может быть, эти люди вчера бушевали в зале.

— Значит, одно фруктовое и только по праздникам,— задумчиво повторил Борисов.

— Это ничего. Не так уж страшно,— успокоила его Наташка. В принципе-то мне это уж давно известно. Вес держать. Режимить. И вообще.

— В принципе это хорошо,— оживился Борисов.— Режимить — это замечательное намерение. Еще какие у тебя планы?

Наташа пожала плечами.

— Какие же... Обыкновенные. Учиться вот будет труднее. Планы. Тренироваться. Выступать. Только когда я приеду, мне очень хочется дня три побродить по Ленинграду. Просто так. Или сейчас уже нельзя три дня?

— Три дня? Нет, почему же... Я думаю, можно,— сказал Борисов.— Как, Лариса Семеновна?

— По деньку на неделе,— ответила я.

— Да... Вот ведь какое дело. Вообще-то жить тебе станет труднее, Наташа.

— Почему, Дмитрий Леонидович?

— Почему? Так уж получается. Тренироваться придется больше, гулять меньше. Станешь ты довольно-таки известной. Письма тебе будут писать. Будут ведь, а, Лина?

— Возможно,— согласилась Лина.

— Вот опытные люди говорят — возможно. Ты пойдешь бродить, и где-нибудь у разведенного моста тебе свидание назначат. И так далее.

— Что так далее?— быстро спросила Наташка.

Ее большие глаза неправдоподобно широко распахнулись. Два синих весенних озерка. Смотрела она на нашего руководителя в упор.

— И так далее,— еще раз повторил он, поглядывая поочередно на Лину и меня. Мы дружно наклонились над мороженым.

— Ну, ухаживания, свидания — вот это и есть так далее. А тебе семнадцать лет...

— Так что же? Дмитрий Леонидович, что же надо делать?

Он развел руками.

— Наверное, не спешить.

— Не буду,— важно пообещала Наташка.— Ближайшие лет шесть жениться не буду.

Мы засмеялись.

— То есть не выйду замуж,— поправилась Наташа.

— Вот и хорошо,— заключил Борисов.

— Можно поставить галочку,— сказала я.

— Где?

— В плане: провел важную беседу на личную тему.

— Ладно, ладно,— миролюбиво и чуть грустно сказал Дмитрий Леонидович.— Нашла над чем смеяться.

— А вы серьезно?

— Сейчас? Сейчас не очень.

...В зале, пока мы смотрели рекламные ролики нового фильма с Софи Лорен и Грегори Пеком в главных ролях, Наташа несколько раз порывалась о чем-то спросить Лину. Наконец я услышала шепот:

— Полина Григорьевна, вас также предупреждали?

Лина молчала. Я нашла Наташино ухо и тоже шепнула:

— Я тебе потом расскажу. Ведь это дело не очень спешное. Правда?

— Правда. А вообще это важно?

— Важно, очень важно.

Хорошо, что мы в темном зале, и идет уже кино, и не будет еще вопросов.

...Уже у «Вестфалии» я спросила:

— Лина, не помнишь, кто из американцев похож на Грегори Пека? Кто-то из спортсменов.

— Из гимнастов?

— Нет. Да я его видела чуть ли не сегодня утром.

— ...Может быть, ты его видела где-то раньше?..

Я не ошиблась. Я действительно утром видела мельком американца, похожего на Грегори Пека. А сейчас вечером он поднялся из покойного кресла в холле нашей «Вестфалии» и шагнул нам навстречу.

Роберт Крочердс, высокий, черноволосый, голубоглазый, в темно-сером твидовом пиджаке, стоял перед нами. Вслед за ним не так стремительно, но тоже энергично подошел к нам Джордж Глах.

— Видимо, все, кроме прелестной маленькой девушки, знакомы с мистером Крочердсом?— спросил американский представитель.— А для вас, Наташа, я его представляю: Роберт Фрэнсис Крочердс, Лос-Анджелес, штат Калифорния, корпорация «Кей Ар Ти».

Крочердс поздоровался, ослепительно улыбаясь. Уже много лет он ведет большие телевизионные шоу. Великолепное мастерство. И в спорте он был на первых ролях. В Австралии я увидела его в первый раз. А в Риме Крочердс занимался уже телевизионными делами. И в Токио тоже. Похож на Пека? Пожалуй, не очень.

— Роберт надеется,— продолжал Глах,— что ваши замечательные девушки могут собраться сейчас все. Найдут немного времени, а?

Борисов пожал плечами и выразительно посмотрел на меня.

— Сейчас? Нет, сейчас это невозможно, мистер Глах,— ответила я.

Крочердс даже не стал изображать огорчение, кивнул: понимаю.

— Тогда, мистер Борисов, может быть, поговорим о команде ваших девушек в более узком кругу?

— В более узком? Что же, попросим Ларису Семеновну остаться...

— Не лучше ли пригласить старшего тренера, Дмитрий Леонидович?— спросила я.

— Лучше? Нет, почему же...

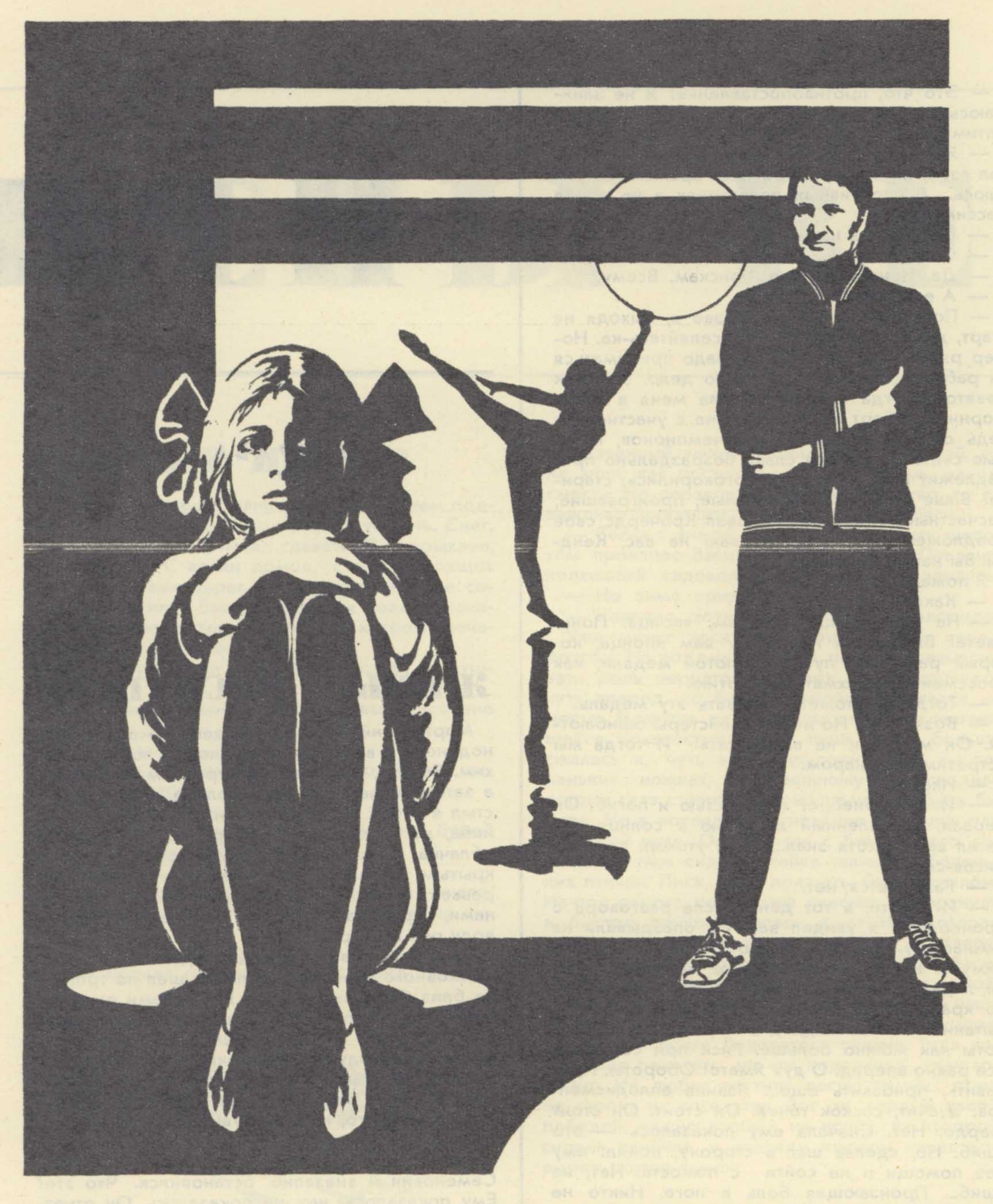
Мы расселись вокруг стола, и портье поставил перед нами белые пепельницы с важным лордом Астором на дне, бутылочки кока-колы и высокие стаканы... А Лина и Наташа уже в нашем номере. И сейчас они будут выводить чернильные пятна на красном пальто Наташки. И потом гладить платья. После того, как мы посмотрели туалеты Софи Лорен от Диора, это было просто необходимо.

— Поздравляю. Американцы со вчерашнего вечера в центре внимания,— сказал Борисов.

— Да, да. Может быть, перейдем в бар?

— Нет,— сказала я.— Много дел, мы все

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12,13.

«Кей Ар Ти» не производит ни самолеты, ни бомбы,— улыбаясь, ответил Крочердс.

— Но эта корпорация, насколько я знаю, и не выпускает фильм против агрессии во Вьетнаме?

— Каждый у нас занимается своим делом. Я думал, что идея Далькроза изменить мир при помощи танцев и гимнастики умерла достаточно давно...

— Ну, ну...— сказал Борисов.— Изменить мир с помощью одной гимнастики нельзя. А вот воздействовать на общественное мнение можно.

Глах перевел ответ Крочердса:

— Попробуем исходить из того, что осенью бомбардировок не будет.

— Попробуем,— согласился Борисов.

Я сказала:

— Нет у нас осенью времени. Нет еще пятнадцати дней.

— После Канады? Середина и конец ноября?

— Невозможно,— сказала я.— Чемпионат страны.

— Начало декабря?— предложил Крочердс.

— Невозможно. Соревнования в Японии.

— Конец декабря, январь?

— Ну, к этому времени нам надо догонять упущенное. Девочкам учиться необходимо.

— Миссис «невозможно», где же выход?

Все вежливо улыбнулись. Глах откинулся глубоко в кресло, и лицо его вытянулось. Он посмотрел на Крочердса и покачал головой: «Я же предупреждал». Затем исправно заблестел своими превосходными зубами.

— Относительно выхода я совета дать не могу. Ну, подключитесь к канадскому телевидению.

Теперь Глах рассмеялся искренне.

— За такой совет и цента не пообещаешь... Калифорния граничит с Мексикой, а не с Канадой, Лариса.

— Для могущественных средств массовой коммуникации, которые представляет Роберт Крочердс, расстояния не препятствие,— возразил Борисов.

Крочердс начал очередную тираду. Глах склонился ко мне и переводил быстро:

— Хорошо. Я буду откровенен. Ваша команда проиграла. Может быть, сегодня и жестоко напоминать об этом. Да, я не боюсь слова «жестоко». Это же правда. О, я ведь не из тех лицемеров, которые похлопывают проигравших по плечу и говорят: «Не принимай это так близко к сердцу, друг,— это игра, всего лишь игра». Эту мудрость советчики забывают, едва им самим стоит проиграть в своем клубе сто долларов в покер. А какие ставки проигрываем мы? Их-то это не волнует. А мы, спортсмены, знаем, что такое проигрыш! Мы знаем его цену. Поражение есть поражение. Когда очутился внизу — надо выкарабкиваться. Не так ли? Для вас не так уж важен бизнес... А другое? Вам же надо возрождать популярность команды! И я приглашаю вашу женскую команду и мужчин-японцев. В одном случае победителей, а в другом... Право же, проанализируйте мое предложение и найдите время...

— Расчет на два хода вперед, а, мистер Крочердс?— спросил Борисов.

— Может быть, и на три. Мне хотелось бы, чтобы вы правильно оценили наше телевидение. Не ту рекламу, что вы видите мельком, а его постоянное влияние. Учтите: на ремонт своих телевизоров американцы в год тратят денег в несколько раз больше, чем на занятия спортом. Но если долларовая мерка вам и претит, то вы должны согласиться: телевидение — это и последующая хорошая пресса и вообще общественное мнение. Говорят, чем больше изломана у человека линия жизни, тем больше эти изломы привлекают внимание. Только непосвященным кажется: спортсмен движется к цели по прямой. За два года до Олимпийских игр в Мехико вашим атлетам не помешает выступление на американском континенте.

— Для того, чтобы оценить обстановку, надо иметь в виду 1967 год,— сказала я.

— Ваша надежда — эта маленькая девочка? Что же... От нее веет весной. Но это еще не все и в гимнастике. И вы знаете, это так.

хотим попасть на мужские вечерние соревнования.

— Сегодня у вас хорошие шансы, а?

Сказав это, Глах предупредительно три раза постучал ладошкой по столу.

— Лучше бы вы вчера постучали, мистер Глах!

— Вы меня должны понять, Лариса. В такой ситуации я не мог не подать протеста. Есть же в конце концов минуты... Речь шла не только о Грейс. Национальная команда. Это уже высокие интересы...

— Ладно, Джордж,— не очень вежливо перебил его Борисов.— Не надо об этом. Рассуждения об интересах нации с включением цитаты из Гатри — «Эта страна моя» — сейчас не ко времени.

— Почему вы так говорите, Дмитрий Леонидович? (Глах поглядел на Крочердса, словно приглашая его оценить важность момента.)

— Да потому, что дискуссия с вами на эту тему совершенно бесполезна. Вы потом опять будете жаловаться, что мы говорим о разных проблемах... Что вы, что Шютц начинаете говорить об интересах нации, патриотизме, когда протаскиваете в жизнь что-то вам выгодное. Это своеобразно по меньшей мере.

Глах ответил, глядя куда-то в сторону:

— Отлично, уважаемый Дмитрий Леонидович, отлично. Вы, видимо, все-таки хотите мне прочитать лекцию о патриотизме, как для своих молодых питомцев?

И сразу же, повернувшись к Крочердсу, стал повторять ему по-английски.

— Нет же. Совсем не хочу. А что касается молодых питомцев, они, знаете ли, сами могут преподать хорошие уроки патриотизма, Джордж.

— Да?

— Несомненно.

— Но я протестую, когда вы ставите меня в один ряд с Шютцем! Вы не должны, во всяком случае, забывать, что я родился в России!

— Дорогой Джордж! Это вы не должны об этом забывать. Так будем о деле говорить?

— О деле... Наверное, вы уже не раз видели команду Крочердса. Нынешнюю команду: ассистенты, операторы, консультанты и другие. Роберт считает, что на чемпионате создалась интересная, даже драматическая ситуация.

— Что же, мистер Крочердс намерен нас пригласить в соавторы телевизионной спортивной драмы?

Крочердс вежливо улыбнулся. Глах склонил голову и стал медленно переводить.

— Сегодняшний спорт следует принимать таким, каким он существует. Со всеми элементами... Э... инфраструктуры. И, разумеется, учитывая наличие средств массовой коммуникации.

— Это теоретическое вступление?

— Мы знаем, русские неравнодушны к теории. О деле. У вас есть договор с Канадской федерацией гимнастики и их телевидением. Крочердс предлагает еще две недели в Америке. И его корпорация платит вашей федерации вдвое больше: пятьдесят тысяч долларов. Хорошие условия, а, Дмитрий Леонидович?

— Финансовые условия приличные. Но...

Я спросила:

— Мистеру Крочердсу, наверное, известны заявления нескольких наших федераций. Они отказались направить сборные команды в США в знак протеста против бомбардировок Хайфона.

— Все же мы не обойдемся без лекций,— констатировал Глах, но начал переводить.

— Я не воюю во Вьетнаме, а корпорация

— Роберт становится поэтом, когда говорит о девушках,— оживился Глах.

— О, когда я был помоложе,— рассмеялся Крочердс.

— Итак,— рассудительно заключил Глах,— пока предложение не принято и сделка не состоялась. Хотя вы и плохого мнения об американском капитализме, мы не настолько расчетливы и коварны, чтобы не предложить вам выпить даже при этих обстоятельствах.

— В принципе такая форма беседы не отвергается,— рассмеялся Борисов,— но не сейчас.

Мы поднялись из-за стола.

...Когда я вошла в номер, пятна атаковали вовсю, но поддавались они слабо.

— Я говорю Наташе: придется покупать здесь новое пальто,— сообщила мне Полина...

— День свободный у нас будет и выберем,— сказала я.— Денег хватит.

Наташка покачала головой и огорченно посмотрела на свое красное пальтишко.

— Надо купить сувениры. Маме, бабушке, Маринке... Папе — тонкую леску.

— А сама будешь рыбачить?— спросила я.

— Сама? Не знаю. А время-то будет?

6.

Борисова у дверей ждал переводчик Момита.

— Заходите, Кендзи. Возникли проблемы?

— Великодушно извините меня, Борисов-сан,— сказал Момита уже в номере.— Не сочтите меня назойливо-любопытным. И если это возможно, извините и скажите: вы беседовали с мистером Крочердсом на деловые темы?

Борисов посмотрел на переводчика.

— Да. Вы ведь по Токио знаете: Крочердс — это телевидение.

— Уважаемый Борисов-сан, я давно знаю Роберта Крочердса. Ведь когда-то я два года учился в университете Беркли вместе с ним.

— Да? Два года вместе...— выжидательно заметил Борисов.

— А сейчас я счастлив, что Роберт Крочердс остановился не здесь и мы живем не под одной крышей...

— Это начало рассказа, Кендзи?

— Если бы вы могли выслушать меня...

— Усаживайтесь поудобнее и начинайте. Времени до вечерней программы достаточно.

— Да, да. И вы простите меня, если я упомяну малозначительные детали. Эта история началась в осенний день шестьдесят четвертого года в Токио. В тот день я получил письмо. Энергичная скоропись. «Мой дорогой Кендзи. Я вас не застал. А увидеться надо. Надеюсь, вы нанесете мне ответный визит. Хорошо бы сегодня. Весь вечер я у себя в отеле «Принц». Ожидающий с нетерпением. Роберт».

Мы встретились, и он уговорил меня сотрудничать. Он готовился снять два телефильма.— Послушайте,— сказал мне Крочердс.— У нас достаточно операторов и сколько угодно пленки. Мы получаем всех американских чемпионов. Полно соревнований и тренировок. Ну, затем танцы, покупка жемчужных заколок. Хорошенькие японские девушки, школьники в белых костюмах. Императорский дворец. Затем Америка. Старый дедушка, отправляющий откуда-то из Омахи телеграмму: «Джим, я всегда верил в тебя, постреленок». Спорт — это такой камешек, который трудно испортить плохой оправой... Стандарт. Скажут: игрушечная спортивная лошадка — только на ней он и может усидеть. Но если появится второй фильм? Не конформистский, острый. Такой, чтобы поняли: ого! Боб выбирает то, что хочет.

Я спросил:

— Острый фильм о спорте, об Олимпиаде? Крочердс ответил:

— В меру острый. Мне бы хотелось, чтобы он передал в какой-то мере настроение разочарованных людей.

— Мне трудно уяснить принцип,— сказал я.

— Вы умеете созерцать, как буддисты или русские. Я всего лишь наблюдатель,— сказал Крочердс.— Кстати, какого вы мнения о русских?

— О тех, что летают сейчас в космосе? Как и все японцы, я считаю, что они-то не сбросят на нас бомбу.

— Это что, противопоставление? Я не занимаюсь сейчас политикой. Они действительно оптимисты до мозга костей?

— Я ведь не так уж хорошо знаю их. Изучал язык, литературу. Время от времени встречаюсь... В спортивных делегациях я не видел пессимистов.

— Вернемся к нашим делам.

— Созерцанию?

— Да. И наблюдению, поискам. Всему.

— А если не получится?

— Послушайте, Кендзи. Разве я, выходя на старт, думал о неудаче? Переселяйтесь-ка. Номер рядом, чек на столе. И надо приниматься за работу. (Не в деньгах было дело. В сорок девятом, когда судьба занесла меня в Калифорнию, Роберт отнесся ко мне с участием. А ведь он был одним из тех чемпионов, которые считают, что вся слава безраздельно принадлежит им.) — Ну что, договорились, старина? Ваше дело разочарованные, проигравшие, несчастные,— так резюмировал Крочердс свое предложение.— Я рассчитываю на вас, Кендзи. Вы найдете героя!

Я пожал плечами.

— Какого героя?

— Не американца. Скажем, японца. Понимаете? Видимо, я предложу вам японца, который рассчитал путь к золотой медали, как гроссмейстер шахматную партию.

— Тогда он может завоевать эту медаль.

— Возможно. Но и гроссмейстеры ошибаются. Он может и не выдержать. И тогда мы встретимся с Икаром.

— Икаром?

— Икар пренебрег опасностью и погиб. Он дерзал, ослепленный любовью к солнцу. Он летел ввысь, хотя знал... Я не утомил вас, Борисов-сан?

— Разумеется, нет.

— И знаете, в тот день после разговора с Крочердсом я увидел вас. Вы опаздывали на гимнастику. А... для моего Икара — Киуэры Кимуры наступили решающие минуты. Станет ли лидер чемпионом? Он ожидал этих минут по крайней мере десять лет. ...Еще одно испытание. Сейчас подход к перекладине. Обороты как можно больше. Риск при соскоке... Все равно вперед. О дух Ямато! Обороты. Прибавить, прибавить еще... Лавина аплодисментов. Значит, соскок точен. Он стоит. Он стоит твердо. Нет. Сначала ему показалось — это ушиб. Но, сделав шаг в сторону, понял: ему без помощи и не сойти с помоста. Нет, не ушиб... Пронзающая боль в ноге. Никто не должен знать этого. Он приказал боли исчезнуть и зашагал к краю помоста. Но тут же понял: травму не скрыть.

...Назавтра за кофе Роберт спросил меня:— Вы читали утренние газеты, там появилось интервью с профессором Хендлем из ФРГ? Профессор считает, что Кимуре не вернуться в большой спорт.

Я встал.

— Интервью?!

— Возможно, первоначально это была беседа не для печати. Может быть, и не с журналистом.

— Не для печати... Но потом вы изготовили, что требуется. Классная работа.

— Вы никогда не сможете доказать наличие моих специальных намерений. Все это туманная область этики. Да и Кимура наверняка не читал газет.

— А если читал?

...Вечером мы узнали, что Кимура покушался на самоубийство.

— Роберт,— спросил я,— неужели этот финал вас устраивает? Ведь он тривиален! Попытка самоубийства в Японии!

— Вся наша жизнь тривиальна.

В тот день я не мог возразить ему ни слова...

...— В тот день?— спросил Борисов.— А дальше?.. С Кимурой-то как?

— Плохо,— печально ответил Момита.— Только в тот день я думал, что Кимура действительно спасен. Спасен... Он почти все время в психиатрической клинике.

— И вы ждете, что Крочердс придет к вам каяться? Вряд ли. Ну, а если и придет?

— Не знаю. Я просто должен был сообщить вам об этом.

Окончание следует.

С. ДУБРАВА

ЖИВЫЕ ВЕСНУШКИ

Мартовский воскресный день накануне равноденствия выдался на редкость ясным и тихим. Воздух, освеженный утренним морозцем, а затем согретый лучами солнца, казалось, застыл в своей неподвижности. Изумрудная синь неба, на котором не затерялось ни одного облачка, мягко прикасалась к полям, еще покрытым снегами, струилась меж ветвей деревьев, ложась на землю разноцветными пятнами, проникала сквозь редкие полыньи в воду рек и озер.

Иван Семенович Свободин, художник из подмосковного городка, медленно шел по тропинке близ березовой рощи. Временами он останавливался и пристально всматривался вдаль. Его поражала необыкновенная прозрачность воздуха. «Воздух,— вспомнил художник слова Антона Павловича Чехова,— так ясен и прозрачен, что если взобраться на голубятню или на колокольню, то, кажется, увидишь всю вселенную от края до края».

«Всю вселенную!»— вслух произнес Иван Семенович и внезапно остановился. Что это? Ему показалось, нет, не показалось. Он отчетливо видит, как перед его глазами алмазную чистоту воздуха пронизало облачко из пляшущих темных крапинок. Он протер глаза — облачко не исчезало. Художник сделал шаг влево — туда же переместились и пляшущие крапинки. Иван Семенович вновь поднес к глазам платок...

— Это комарики-сударики,— вдруг услышал он за своей спиной,— мартовского равноденствия предвестники.

Художник обернулся и увидел молодого человека в стеганке. Это был лесничий.

— Теперь я узнаю их, этих толкунчиков,— улыбнулся художник и, немного подумав, добавил:— Какая-то несовместимость: кристальная чистота воздуха и... они.

— А вы присмотритесь,— заметил лесничий,— живые пятнышки придают этой чистоте особую прелесть, они веснушки на лице марта. Живые веснушки!

— Живые веснушки!— повторил с какой-то внутренней нежностью Иван Семенович.— Как хорошо и как правильно подмечено...

Они простились. Лесничий ушел, а художник еще долго всматривался в лицо марта, чистейшая голубизна которого нежно трепетала крылатыми пятнышками — живыми веснушками.

МЕТЫ ВЕСНЫ

ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ

Март в разгаре. Солнце с каждым днем поднимается все выше. Зиме уже не устоять. Снег, ее верная защита, начал сдавать. Он порыхлел, стал серым. С крыш домов, с веток стоящих под карнизами деревьев свисают ледяные сосульки. По ним, блестя, струится вода. В канавах, ложбинах натекают лужи, на которых ночами морозы льды возводят.

Дед с внуком по тропинке подошли к опушке леса.

— Сейчас я покажу тебе первые весенние цветы.

— Правда?

Дед Егор, сторож совхозного хозяйства, широко улыбается:

— Конечно, правда.

Над канавой, наполовину заполненной бурой водой, свисали ветки орешника.

— Вот они, смотри!

Внук Витя смотрит себе под ноги, но ничего, кроме сырой земли с остатками снега, не видит.

— Сюда смотри, на ветки...

Витя поднял голову и прямо перед глазами

увидел много прутиков, с которых парами свешивались желтоватые пушистые хвостики. Золотые сережки орешника — первые цветы весны. Вот они какие!

— Я сорву, дедушка,— потянулся к ним рукой Витя.

— Не надо,— говорит дед,— видишь, рядом ветки, на которых вместо сережек виднеются маленькие бугорочки с усиками, словно в них бабочки спрятались. Это рыльца-щетинки, они улавливают пыльцу, которой дымят сережки.

Дед Егор чуть тронул одну сережку, и она тут же вспыхнула золотистым облачком, словно пламя ее охватило.

— Сережки сделают свое дело и отвалятся,— продолжал дед,— а на месте бугорочков с усиками орехи вырастут. Ты же любишь их?

— Да,— согласился внук,— я, дедушка, не буду трогать эти цветы, я лучше тут орехов летом нарву.

ЗИМОБОРЬЕ СРЕДИ УЛИЦЫ

Они стоят друг перед другом среди улицы. Она маленькая, беленькая, на тоненьких ножках. Он высокий, складный, в иссиня-черном одеянии и при шпорах. Уже несколько минут они не сводят друг с друга глаз. Взгляд ее, судя по тому, как она поворачивала головку с желтеньким хохолком на макушке, выражал отвагу, стремление во что бы то ни стало выстоять, не отступить. В его взгляде скорее больше было милосердия, чем решимости. Озадаченный такой неожиданной встречей, он не знал, как поступить: то ли одним махом смести это дерзкое крохотное существо, то ли вежливо попросить его убраться восвояси.

— Весна с зимой встретились,— почти шепотом произнес Василий Григорьевич Пчелкин, колхозный садовод,— вишь, как нацелились!

— Но зиме придется отступить.

— Конечно, хотя она держится молодцом.

Уже минут десять они стояли друг перед другом. Но вот ему, видимо, надоело разыгрывать роль пернатого рыцаря. Он подвинулся чуть вперед, но белый комочек оставался на месте. Малютка не дрогнула перед надвигающейся опасностью. Она лишь еще больше сжалась и, чуть выше приподнявшись на тоненьких ножках, по-прежнему не сводила острых глаз с черного пришельца. И... быть бы беде. Но в последнее мгновение раздался еле слышный писк. Он донесся с ближайшего дерева. На нем сидела стайка таких же беленьких птичек. Писк, надо полагать, был сигналом. Из-под самого носа грача пуночка выпорхнула и быстро присоединилась к стайке, которая тотчас оставила дерево и полетела к северу.

— На родину отправились,— вздохнул Василий Григорьевич и ласково помахал им рукой.

Пуночка, или снежный подорожник,— наша зимняя гостья. Ее родина — северная тундра, острова и берега Ледовитого океана. Туда лететь еще рановато, но что поделаешь, грач торопит. Не любит вестник весны зимних птиц, не терпит их соседства. Вот он, гордый своей победой, важно взошел на кочку, на которой сидела пуночка, и крепким клювом начал ковырять талую землю.

РОЖДЕНИЕ РУЧЬЯ

Ивана Павловича Лукьянова, колхозного агронома, я нашел в саду. Он стоял около яблони, опершись на лопату. В двух шагах от него чернела только что вырытая в снегу небольшая яма.

— Что задумал?— спросил я, протягивая руку.

— Хочу посмотреть, как ручей рождается,— кивнул на яму Лукьянов.

Яма была почти до краев заполнена водой. В ней зайчиками плясали лучи вечернего солнца. В воздухе стоял пряный запах весны. Дышалось легко и свободно.

— Всего полчаса прошло, а вот-вот совершится извечное чудо — количество перейдет в новое качество: из лужицы ручей появится.— Иван Павлович сделал шаг вперед и присел на корточки.— Смотри, смотри, он уже пробивает себе дорогу. Пошел, милый, пошел...

Агроном заботливо засуетился около ямы. Я смотрел на его довольное лицо, на ручеек, который, набирая силу, тронулся в путь, на солнечные зайчики, уже плясавшие в его робких струйках, и на душе стало особенно радостно, как никогда раньше. Я даже забыл, зачем пришел к Ивану Павловичу...

ЗАГАР ДЕРЕВЬЕВ

Третий вечер кряду приходит Иван Семенович Свободин на опушку молодой липовой рощи. С места, где он сидел за мольбертом, сквозь оголенные ветви деревьев виднелись заснеженный луг в серых пятнах кустарника, причудливо изогнутый рукав реки, поблескивавшей редкими полыньями, и далекий сельский поселок. Но все это Иван Семенович не столько видел, сколько ощущал, и ощущал както подсознательно. Главное, что его особенно волновало в эти дни и с чего он не сводил глаз, были кроны лип. Еще неделю-две назад они выглядели по-иному, а теперь... Кора на ветвях и тонких стволах стала густо-красной. В лучах солнца она отливала каким-то таинственным светом. Из набухающих почек струился тонкий, живительный аромат.

Сегодня Свободин трудился с особенным подъемом. Уже, казалось, схвачено все, положены последние штрихи. И опять, в который раз, он ловил себя на мысли, что от него что-то ускользнуло. Но что? Иван Семенович, закрыв глаза, задумался. Он вспомнил случай из школьных лет. Как-то в конце марта учитель ботаники принес на занятия две ветки липы. Они отличались друг от друга окраской коры. На одной она была темно-бурая, а на другой — ярко-красная. Он объяснил, что ветка с темнобурой окраской была сломана в январе, а с ярко-красной — в марте. Разница в окраске — результат воздействия солнечных лучей. В марте солнце светит жарче, своими лучами оно прогревает деревья, которые начинают просыпаться от зимней спячки. У лип и у некоторых других деревьев признаки этого пробуждения обнаруживаются в изменении окраски коры. Она обретает густо-красный цвет, начинает как бы загорать. В народе это называют предвесенним загаром деревьев...

— Ивану Семеновичу низкий поклон,— услышал Свободин слова приветствия и вздрогнул от неожиданности. Он хотел сказать что-то обидное в адрес лесничего — художнику показалось, что тот помешал ему уловить ускользавшее, которое нужно было воплотить на холсте.

— Здравствуйте,— взяв себя в руки, сухо произнес художник.

— Не клеится? Понимаю, понимаю,— закивал головой лесничий и, внимательно посмотрев на деревья, на полотно с их изображением, добавил,— а знаете, чего тут не хватает?

— Чего?— спросил художник.

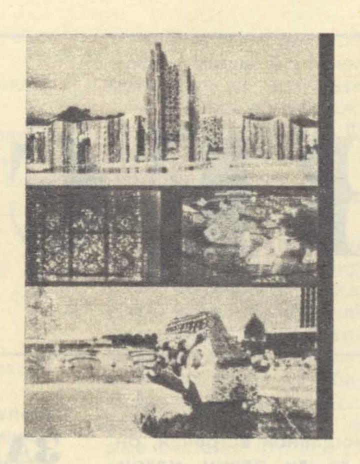
— Комариков-судариков...

— А действительно,— оживился художник, хватаясь за кисти.— Я ведь вчера их тут видел.

Через несколько минут в одном из просветов между ветвями в прозрачной синеве воздуха затрепыхали крапинки-веснушки. Иван Семенович встал со складной табуретки и крепко пожал руку лесничему.

— Спасибо, брат,— взволнованно произнес он,— спасибо!

Нодар ДЖАНБЕРИДЗЕ,
председатель правления Союза художников Грузинской ССР,
доктор искусствоведения, профессор

ГИМН ЖИЗНИ И КРАСОТЕ

Испокон веков задача художника — открывать людям красоту бытия, находить прекрасное в обыденном, суметь по-новому увидеть то, что давно уже стало привычным.

Заслуженный художник Грузии Зураб Константинович Церетели принимал участие в оформлении многих общественных зданий Тбилиси, создал мозаики для мемориального комплекса В. И. Ленина в Ульяновске, был главным художником курорта Пицунда. В 1970 году за мозаичные произведения, выполненные в Тбилиси и Ульяновске, он был удостоен Государственной премии СССР. И вот теперь — новые работы: мозаики в тбилисском парке Победы и на здании автовокзала, витраж в грузинском Дворце культуры профсоюзов, монументальные произведения для советского посольства в Бразилии, панно для курорта Саирме. Но, пожалуй, особенно ярко и масштабно искусство и фантазия художника воплотились в самых разнообразных по технике исполнения и функциональному назначению произведениях, созданных им в Адлере.

Здесь, у моря, среди светлых зданий пансионатов курортного городка, возник необычный мир, рожденный талантом этого мастера. Вот, словно огромный коралловый риф, возвышается монументально-пространственная композиция «Коралл». Из водного партера, протянувшегося изогнутой лентой, вырастает пятнадцатиметровый, необычных очертаний коричнево-красный монумент. Его вертикали подчеркнуты мозаикой, а синие, зеленые, красные, желтые стекла витражей придают композиции легкость. Отражения «Коралла» в воде, цветные мозаики дна бассейна, южное солнце, а по вечерам — лучи прожекторов создают зрелище романтическое.

В зоне, отведенной для детских игр, из плескательного бассейна навстречу вам выплывает оранжево-красный крокодил, снуют яркие рыбы, извивается морской конек, а рядом медленно скользит по зелени травы одетая в пестрый панцирь черепаха... Трудно не задерживаться рядом с этими диковинными обитателями площадки, не залюбоваться их причудливыми формами и радужной окраской. Мир пластики художника Зураба Церетели — жизнерадостный, цветной, поэтичный.

Несколько лет назад на болотистый тогда пустырь вместе с проек-

Перед техосмотром.

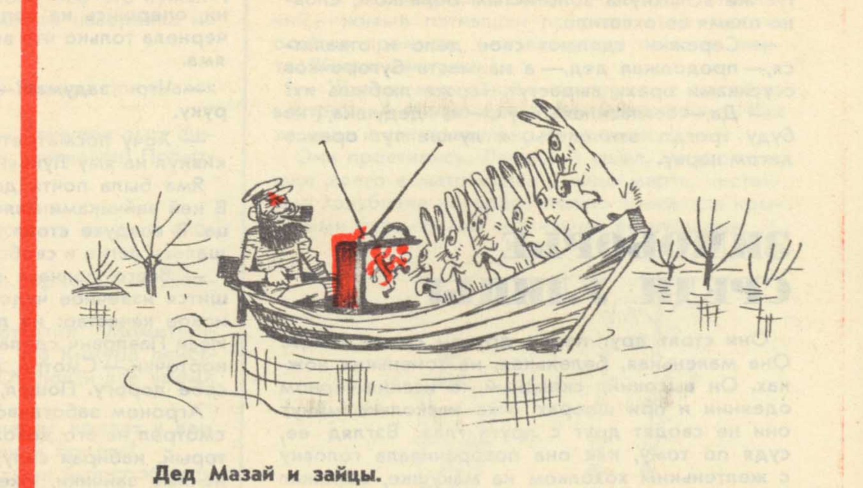

— Простите за беспокойство, мы учитываем количество зверей в области!

Рисунки Е. Ведерникова

Футбольное светило.

Дед Мазай и зайцы.

тировщиками, строителями, инженерами пришел художник. Много месяцев работал он над разнообразными декоративными композициями, соединяя их в единый оригинальный художественный ансамбль. Преобразились три с половиной тысячи квадратных метров детской зоны. Появились стены-лабиринты с мозаикой, изображающей сказочных персонажей, водный канал для маленьких любителей «судоходства», площадки и уголки для игр. Центр композиции — бассейн, его чаша покрыта мозаикой и состоит из отдельных секций, где можно плескаться, или бегать, или оседлать золотую рыбку и подивиться на огромную чудо-рыбу, с которой стекает, бьет радужным фонтаном вода. Мастер, изображая морских животных, использует характерную для детских рисунков условность. Калейдоскоп ярких и в то же время тонко сгармонированных цветов зачаровывает. Дети как бы получают первый наглядный урок эстетики.

Сейчас З. К. Церетели выдвинут на соискание Ленинской премии за комплекс монументально-декоративных работ в Тбилиси, а также за пространственно-декоративное решение курортного городка Адлера и парковой зоны курорта Саирме.

Все творчество художника, и особенно его мозаики,— подлинный пример гармонического слияния архитектуры и изобразительного искусства. Имея самостоятельное значение, они организуют окружающее пространство, становясь его художественным центром. Мажорные, радостные произведения Зураба Церетели — это не только своеобразное осмысление национальных традиций, но и новые художественные открытия. Его индивидуальный стиль опирается на множество приемов и разнообразную технику исполнения, а творческая многосторонность и постоянный поиск новых средств выразительности лучше всего характеризуют натуру художника. Он смело открывает новые пути монументального искусства, приближает его к человеку, заставляет стать необходимым элементом нашей жизни. Не случайно Сергей Тимофеевич Коненков так сказал об этом грузинском мастере: «Силой творческого таланта он создает неповторимые произведения искусства... Церетели вкладывает свои силы в объекты, которые очень важны людям. Это курортные комплексы, где советские люди отдыхают, набираются сил... Синтез изобразительного искусства и архитектуры — будущее нашего искусства. Я очень ценю художника Церетели, верю в него...»

●

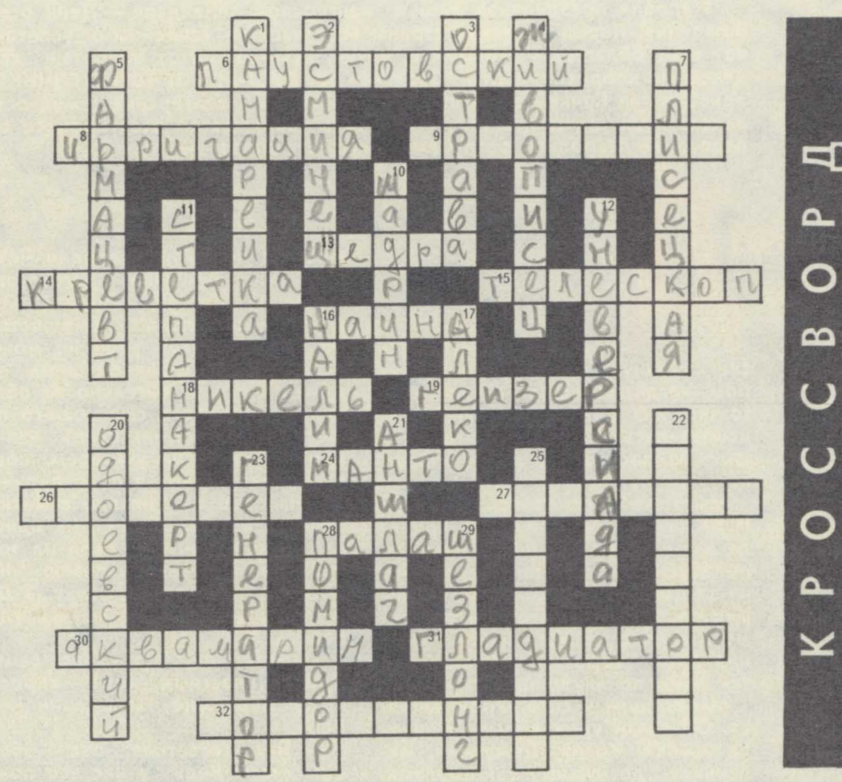
НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Адлер, курортный городок. Скульптурная композиция «Коралл». Фрагменты бассейна и игровых площадок в детской зоне курортного городка. * Тбилиси. Витраж в фойе Дворца культуры профсоюзов.

Первые побеги (трусцой).

Весенняя уборка.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

6. Советский писатель. 8. Искусственное орошение. 9. Русский скульптор, автор памятника Кутузову в Петербурге. 13. Пряность из высушенной апельсиновой или лимонной корки. 14. Морской рак. 15. Оптический прибор. 16. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 18. Металл. 19. Горячий источник. 24. Женская верхняя одежда. 26. Древнегреческий астроном, географ и картограф. 27. Остров в Балтийском море. 28. Холодное оружие. 30. Драгоценный камень. 31. Боец, сражавшийся на цирковой арене в Древнем Риме. 32. Картина Ж. Лиотара.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Певчая птица. 2. Военный корабль. 3. Город в Чехословакии. 4. Сатирический журнал, издававшийся Н. И. Новиковым. 5. Работник аптеки. 7. Советская балерина. 10. Действующее лицо пьесы Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем». 11. Центр автономной области в Азербайджане. 12. Всемирные студенческие игры. 16. Рыба семейства тресковых. 17. Опера С. В. Рахманинова. 20. Русский поэт-декабрист. 21. Театральное объявление. 22. Метеорологический прибор. 23. Машина для преобразования механической энергии в электрическую. 25. Приток Волги. 28. Овощ. 29. Раздвижное кресло.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Конвертер. 5. Каллиграфия. 8. Сандал. 9. Рекорд. 13. Фрегат. 14. Каракал. 17. «Фараон». 18. Семафор. 19. Ужгород. 20. Соната. 21. Кокарда. 24. Салака. 27. Творог. 28. Король. 29. Контрафагот. 31. Амальгама.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Цвейг. 2. Украина. 3. Артишок. 6. Луара. 7. Анета. 8. Сталактит. 10. Диагональ. 11. Черешня. 12. Каботаж. 14. Курск. 15. Аорта. 16. Лаура. 22. Офорт. 23. Дрофа. 25. Водопад. 26. Шоколад. 30. Альпы.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: За выдающиеся успехи в выполнении заданий девятой пятилетки и социалистических обязательств, повышение эффективности производства и качества работы Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» большой группе передовиков производства. Среди них и Анатолий Яковлевич Рыбаков, член ЦК КПСС, токарь московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова.

Фото Э. Эттингера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/III — 1976 г. А 00642. Подп. к печ. 30/III — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 752. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 1956.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

4 апреля праздничная дата в венгерском календаре — День освобождения. Народ братской страны встречает ее уверенными успехами во всех областях — экономике, науке, культуре. Этот репортаж специальные корреспонденты «Огонька» Ю. ЛУШИН и Л. ШЕРСТЕННИКОВ привезли из Кечкемета. В прошлом миллионам венгерских семей оставалось лишь мечтать о том, чтобы дать своим детям всестороннее образование. Народная республика осуществила эту мечту.

— До свидания! — по-русски крикнули пятиклассники хором, когда мы вошли в класс, но, тотчас же поняв, что ошиблись, исправились: — Здравствуйте! — и сами же засмеялись своей оплошке.

Мы тоже рассмеялись в ответ. И то ли эта милая ошибка привела нас в хорошее настроение, то ли звуки музыки, пробивавшейся из-за дверей, пока мы шли по коридору, то ли что-то другое, чему я сейчас не могу найти названия,— но хорошее настроение так и не покинуло нас.

Мы прошли и сели. Урок начался. Обычный урок музыки в школе имени Кодая. Дежурная, маленькая девчушка с косичками, раздала всем ноты. Мы тоже получили по листочку, и я вспомнил при этом слова заместителя директора школы Тивардарни Кёрбер:

— Музыка живет в каждом без исключения человеке, и нужно только разбудить ее в нем. Так утверждал композитор Золтан Кодай, по этому принципу работает и школа его имени. Дети в нее принимаются без предварительного отбора, самые обычные ребята, многие из которых до того момента не проявляли никакого интереса к музыке. А потом происходит обыкновенное чудо, к которому мы сами еще привыкнуть не можем. Все, понимаете, все без исключения начинают петь в хоре, или играть на каких-то инструментах, или танцевать, заниматься классической музыкой...

— И даже лишенные слуха! — удивился я.

— Да, представьте себе! Понятно, профессиональными музыкантами они не станут. Школа к этому и не стремится. У нас иная цель: дать каждому ребенку музыкальное образование, музыкальную культуру, воспитать музыкой. Именно воспитать. Это тоже один из принципов Кодая. Причем такое воспитание идет на основе народных мелодий Венгрии и других стран...

Преподаватель Пал Кардош между тем набросал мелом на доске схематическую карту Венгрии и ее соседей. Пока я размышлял, для чего это ему понадобилось на уроке музыки, все выяснилось само собой. Вот он поднял руку, требуя внимания, обвел камертоном, как указкой, контуры Венгрии и что-то сказал. В ответ полкласса потянули руки вверх. Кардош улыбнулся довольный и кивнул девочке с косичками. Та встала и запела.

— Что она поет! — спросил я шепотом у переводчицы.

— Это народная венгерская мелодия,— ответила та,— крестьянская песня.

Потом учитель показал на Польшу, и два ученика на флейтах сыграли польскую мелодию. Я узнал ее сразу: «Направо мост, налево мост, и Висла перед нами...» И поплыли мелодии Чехословакии, Румынии, Югославии, Франции, Австрии — целый концерт, музыкальное путешествие по Европе. Такой урок не может оставить никого равнодушным, подумал я и действительно не обнаружил ни одного скучающего лица. В этот момент класс как-то притих, следя за учителем, который стоял теперь в позе дирижера. Наконец он плавно взмахнул руками, и класс запел на одном дыхании. Я поймал себя на том, что тоже тихонько напеваю: «Как пойду я на быструю речку...» Дети пели, смотрели на меня и улыбались.

— Наверное, это у вас самый лучший классный хор! — спросил я на перемене Тивардарни Кёрбер.

— Нет,— ответила она,— обычный класс. Ведь у нас все поют. В начальной школе уроки пения даются ежедневно. Желающие, начиная с любого класса, могут заниматься игрой на народных инструментах, классической музыкой факультативно, после уроков. Впрочем, таких желающих почти девяносто процентов. Им устраивается специальный экзамен по музыке.

На следующем уроке снова пели, и я убедился, что этот класс поет ничуть не хуже. Опять раздали листочки с нотами. Я уже знал, что ребята их до этого не видели, и ждал, что будет дальше. Учительница Катерина Цейзнер зачем-то посмотрела на часы и начала объяснения.

— В Советском Союзе, в Поволжье,— говорила она,— живет народ — марийцы. Предания свидетельствуют, что много веков назад венгерские племена тоже жили там. Поэтому, наверное, мелодии марийцев немного похожи на венгерские. Та, которую мы выучим сегодня, очень похожа, например, на нашу народную песню «Летела пава». Вот послушайте.

Она напела мелодию, потом попросила каждого повторить ее, а через несколько минут класс пел ее хором. Катерина Цейзнер снова посмотрела на часы и объявила, что новую мелодию сегодня выучили всего за четыре минуты. Воодушевленный хор продолжал пение. Слушая его, я думал вот о чем. Пусть из этих ребятишек далеко не все выберут профессию музыканта, но эти уроки, открывающие красоту народных мелодий, мир прекрасного, останутся с ними на всю жизнь. Разве не об этом мечтал Золтан Кодай, когда говорил, что пение украшает жизнь и того, кто поет, и того, кто слушает песни!

Прозвенел звонок, и мне стало жаль, что он оборвет мелодию. Но хор продолжал петь, как будто не слышал звонка, и замолчал только тогда, когда кончилась песня. Мы встали, чтобы проститься.

— Здравствуйте! — по-русски крикнул класс хором, но тут же исправился: — До свидания!

Кечкемет — Москва.

Жужа Пояк: «Мой любимый урок — пение!»

Сувениры.

В Н
М

Солирует Тибор Гатон.

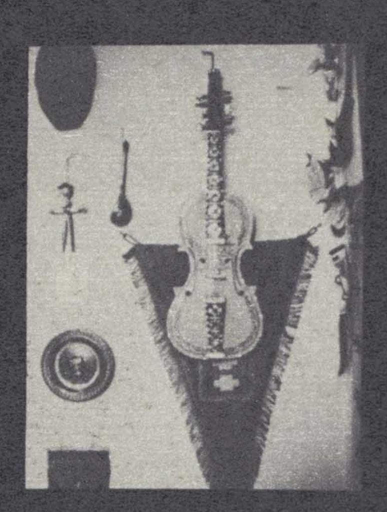
Домашнее задание.

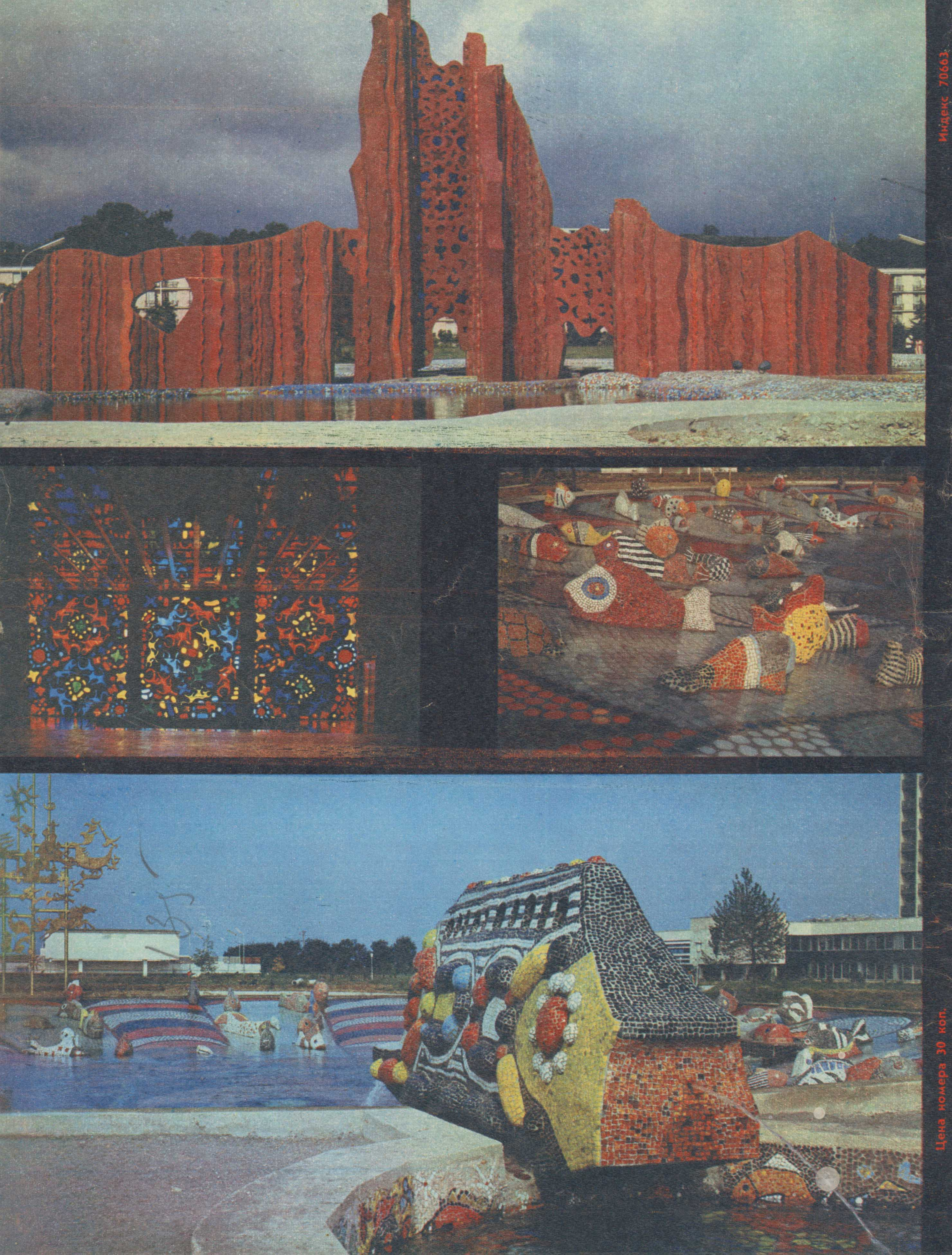

Новая песня.

«Вторые голоса, легче!»

ИМАНИЕ-
УЗЫКА!

Индекс 70663
Цена номера 30 коп.